

Черное и Белое

*Как приготовить мне,
прекраснейший судьбы напиток?*

Recipe:

Дай света и добавь любви per se и quantum satis.

Отбрось коварство, зло и тьму...

И вновь добавь любви и света.

Misce...

Бойкова С.М

Светлана Бойкова

Черное и белое

«Э.РА»

2013

Бойкова С.

Черное и белое / С. Бойкова — «Э.РА», 2013

Человек привык мыслить земными человеческими категориями, хотя он – существо, принадлежащее Космосу. Эта книга поможет почувствовать причастность каждого человека к происходящим во Вселенной переменам. Мир разделен на белое и черное, Зло и Добро, светлые и темные миры. Творчество, любовь, героизм, мудрость, гениальность и талант заложены в каждой душе, с помощью этих качеств человек идет к Свету. Гордыня, творческая пустота, прозябание, стремление утвердить себя за счет остальных и всего остального – эти пути навязывает человеку Тьма. Владыки Света и Тьмы, Зла и Добра имеют материальные воплощения и ведут ожесточенную борьбу за человечество. Главный герой книги Алекс, живя на Земле, знает о себе лишь то, что он биоробот. Его биография начинается и заканчивается номером 232, присвоенным ему. Он живет в государстве с полицейским режимом, позволяющим контролировать жизнь каждого. Алекс хочет докопаться до тайны своего происхождения и, трагически погибая, он узнает – он человек. Смерть дает ему возможность путешествовать по тонким светлым и темным мирам и находить там ответы на волнующие его вопросы: Кто правит миром? Ради чего он должен делать добро, а не зло, если зло так привлекательно? Как предотвратить возможность возникновения войн и тирании? От чего зависит судьба человека? Он приходит к выводу, что жизнь планеты Земля, человечества, природы зависит от каждого человека, от его разума, совести... Алекс узнает, что Вселенной грозит опасность – Силы Тьмы захватили часть миров и Земле уготовано порабощение и уничтожение! Герой проходит свой увлекательный, порой опасный, путь по мирам Вселенной, по путям космического восхождения и просветления. Ему раскрываются такие тайны и дары, перед которыми преклоняются даже могучие темные иерархии...

© Бойкова С., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Часть первая	6
Я робот?	6
Побег	11
Свобода	14
Часть вторая	18
Пусть в другой мир	18
Наставник воинов Света	21
Страна великого отдыха	24
Врата в темные миры	30
Тоска великой покинутости	34
Шаман	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Бойкова

Черное и белое

Часть первая

Я робот?

Маленькая уютная спальная комната озарена солнечным светом. Дверь из комнаты на большую веранду открыта. Легкий теплый ветер играет с прозрачной занавеской, развешенной вдоль большого окна и открытой дверью. Он проснулся, но находится в приятной дреме, когда не хочется открывать глаза и ощущать этот упоительный волнующий мир, вдыхать напоенный ароматом лаванды воздух, слышать звуки пения птиц и стрекотание насекомых. Солнечный луч подкрался по подушке к нему и ласково целует щеку. Его сердце переполнено светлой радостью. Он слышит легкие женские шаги, он узнает их и счастлив приближению.

Он притворяется, будто погружен в глубокий сон и, когда женская рука ласково прикасается к его голове и перебирает густые темные волосы, сердце его ликует, он готов рассмеяться, открыть глаза и взять ее руку в свои. Но неожиданно он понимает, что случилось что-то печальное, темное. Отчего-то все замерло, затихло: и ветер и птицы и солнечный луч, соскользнув с подушки, исчез. В комнату проникло зло. Женщина о чем-то тихо и печально говорит. Он пытается открыть глаза, но тщетно. Каждая его клетка превращается в слух, но он не в силах разобрать ни единого слова. Ее слова растворяются в воздухе, как шелест осенних листьев. Он не в состоянии понять происходящее или изменить его – тело обездвижено и абсолютно утратило свою нужность. Леденящее отчаянье пронизывает его несчастное Я... Он слышит – женщина тихо плачет, и в этом плаче заключена непостижимая душевная мука. Рука женщины прижимается к его затылку так, как обычно зажимают открытую рану. Усилием воли он пытается заставить двигаться предательски непослушное тело. Еще рывок, и какая-то страшная сила швырнула его вверх, и он начинает смутно понимать, что падает, падает... но не в кровать, а в разверзшуюся, как жадная пасть, бездну. Страшная сила крутит и вращает его, как тряпичную куклу. Скорость падения стремительно возрастает, и тело его превращается в вытянутую фигуру. Отсутствуют всякие ориентиры, но ноздри его улавливают острый запах земли и сырых камней. Его сердце замерло в ужасе от понимания того, что падение представляется невозвратным. Бесстрастный мозг уже решил, что всему конец – свету, утру, миру. И это произойдет вот-вот, сейчас, в этот миг. Задыхаясь от этой мысли, он открыл глаза и... проснулся. Этот сон снился ему часто, почти ежедневно. Он посмотрел на большие зеленые цифры электронных часов – они равнодушно отсчитывали секунды. Оставалась ровно минута до того, как зажжется красная лампочка и зазвучит сирена, означающая подъем. Он – биоробот, и знает об этом, и еще он знает, что его плазменный мозг не может видеть сны никогда. У него нет имени, и вся его биография заключается в номере 232. Он – биоробот последнего поколения, и по этому поводу разрешено испытывать нечто, отдаленно напоминающее человеческую гордость. 232-ой расстегнул молнию своего спального мешка, – футляра, как здесь принято говорить, и осмотрелся. Все было как всегда. Его товарищи-биороботы спали, заканчивался технический перерыв. Все находились на своих местах. У каждого был свой спальный мешок и место на деревянном стеллаже в верхнем или нижнем ярусе, в соответствии с его номером. Здесь проходили технический перерыв десять биороботов. Все они были сконструированы по человеческому подобию. Скелет, полностью соответствующий человеческому, был собран из полимерных материалов. Как могучая и ветвистая лиана оплетает ствол дерева, не оставляя

ему и малой свободы, скелет оплетали различные, весьма чувствительные системы. «Лиану» окутывала биомасса, которая имела возможность расти, развиваться, и требовала питания и тренировок. Биомассу покрывала теплая на ощупь и ощущающая все, что способен ощущать человек, кожа. Особой гордостью роботов этого поколения были растущие ногти и волосы, это приносило особый эстетический шарм – позволяло менять прически и украшать ногти. Были сохранены внешние различия женских и мужских фигур. Их тела отличались атлетической красотой. Это комната, напоминающая коробку с одной дверью, была предназначена для технического перерыва биороботов-мужчин. Она хорошо проветривалась, была сухой и теплой. Комната была достаточно освещена ночными светильниками, те оставляли причудливые блики на светло сером потолке и стенах. Сегодня 232-ой проснулся позже обычного, и на размышления оставалась лишь минута. Он любил это тихое утреннее время, когда предоставлялось столь редкая возможность подумать о своей «жизни» – если это можно назвать так. Вопросов возникало множество и все они не получали ответов. Необычайность, непостижимость того, что он видит сны, приводила его в смятение. Горячей, неутолимой страстью разгоралось в нем желание узнать правду о снах, о себе. Все объяснения были туманны и искажены. Он ощущал себя другим, исключительным. В его голове возникали странные, но ничтожные по своему существу догадки, что он вовсе не робот, а нечто другое. Но кто он? С одной стороны – он робот и, сколько себя помнит, живет в этом доме, работает всегда в дневную смену, занимается компьютерным обеспечением. С другой стороны... Прерывистый звук сирены заставил его вздрогнуть. Привычным движением 232-ой выскользнул из спального мешка, сложил его и встал в строй, который прочие роботы уже успели сформировать вдоль стены. Освещенность комнаты заметно возросла, дверь распахнулась и на пороге возникла огромная фигура главного наставника роботов. Во всем доме не было более могучего и сильного человека.

– С добрым утром! Господа роботы! – сказал он и громко рассмеялся своей шутке, сверкая белозубой улыбкой на своем темнокожем лице. В руках этого человека соединялась вся полнота власти над роботами – физическая, нравственная, власть закона. Он не испытывал к роботам ни любви, ни ненависти, его удовлетворяло лишь полное их повиновение. Наставник тренировал тела роботов и занимался этим очень серьезно. Он знал множество видов борьбы и единоборств. Этим он охотно делился со своими подопечными. Он разработал и внедрил систему сурового внутреннего подчинения и считал, что эта система безупречно правильна. Он воспитывал смелость и волю у своих подопечных, которые в случае малейшей опасности, грозящей хозяину и его семье, отразили бы ее. Но мозг роботов он держал в тесных рамках и не терпел склонности некоторых к рассуждениям – гасил все проблески творчества и индивидуальности. Поощрялся лишь рост технической мысли. О, а как он умел имитировать душевное тепло и вызывал к себе полное доверие! И как он умел вступать в жестокую борьбу с отступниками... Джинсовый комбинезон был его излюбленной одеждой, лишь футболки под ним меняли свои цвета. Сейчас мышцы его рук играли под белой футболкой.

– Парни! Как спалось? Кто видел сны? – наставник, предвкушая нечто интересное, потирал руки. – Это так интересно... правда. Просыпаешься и есть, что вспомнить. 231-ый, что тебе снилось?

– Ничего, – скованно отозвался 231-ый. – Я не вижу снов сэра.

– Неужели? Не верю! А вот 232-ой сейчас честно расскажет нам свой сон, – наставник бросил на него холодный, выжидающий взгляд, слегка прищурился. – Ну же, мы ждем ответа... Красивые девушки, встречи, любовь... И ты – человек! Да?

232-ому, несомненно, хотелось внести ясность и освободиться от терзавших его сомнений. Его сны – истина, которая слишком дорога ему. Ну, а правда – может эта истина лишь привилегия для особого склада ума некоторых роботов? 232-ой решил – он обязан сохранить эту тайну до тех пор, пока не расширит свои познания. Он боялся, что его странный опыт может быть воспринят искаженно или обернется враждебно для него самого, и решил дожидаться есте-

ственного хода событий. Он спокойно и уверенно поднял голову и открыто взглянул в глаза наставника своими большими темно-зелеными глазами.

– Нет сэр. Мне не сняться сны... – Брошенные им слова прозвучали равнодушно и спокойно.

– Тот, кто лукавит, тот будет наказан. Вы должны знать, что в действительности сны – вирус, поражающий ваши глупые плазменные головы. Вирус очень заразен, он как сети затянет ваше несовершенное сознание, вы завязнете во лжи и в лучшем случае все закончится промывкой мозгов... ваших, между прочим. И это будет законно, – жестко аргументировал наставник. – Но, уверяю вас, события могут обрести и совсем трагический характер. Вы сойдете с ума, будете уверять всех и каждого, что вы – люди, и требовать к себе человеческого отношения. Это, дорогие мои, уже другое дело... Вы начнете топтать закон! Итог, несомненно, будет один – утилизация.

Последнее слово наставник произнес четко и внятно, и оно заставило всех внутренне содрогнуться. Никто из присутствующих роботов не знал, как совершается утилизация, но все знали, что она совершается лишь однажды и тот, кто подвергся ей, навсегда уходит из жизни. 232-ой облегченно вздохнул, было ясно – он избежал серьезного наказания и дал себе зарок впредь действовать осторожно.

– В душ! Живо! – скомандовал наставник. – Мы серьезно отклонились от графика! Растяпы...

232-ой любил воду, он стоял под теплыми струями, весь с головы до ног охваченный водой, и это были минуты странной захватывающей радости. Воздух вокруг наполнялся водной пылью, проникал вовнутрь и дыхание становилось легким и приятным, а мысли принадлежали только самому себе, исчезало навязчивое ощущение, что кто-то постоянно контролирует твои мысли или навязывает свои. «Сны, душа, интуиция, предвидение – это привилегия человека, – думал 232-ой. – Вероятно, наставник прав и я заражен вирусом, но возможно и другое – все обман, и я человек. Как узнать правду? – Он, поддавшись своим мыслям, пожал плечами. – У кого спросить обо всем, да и стоит ли?... – Он спешно откинул эту мысль. – Нет-нет, на понимание других рассчитывать нельзя! Все может закончиться трагично».

Подали жидкое мыло, легкая пена, сверкающая мыльными пузырями тонко заволокла тренированное тело 232-ого и затем была смыта победно звенящими струями воды.

«Возможно, я человек... В таком случае, я жалкое, растоптанное существо. Я – раб. Мною пользуются, как вещью, и уничтожат при необходимости. Кто устанавливает эту необходимость?» – думал 232-ой, промокая воду одноразовым полотенцем.

«А если наставник все же прав?... Нет, надо уметь пренебрегать чужим мнением, если ты ищешь ответ на свой вопрос. Если чувствуешь свою правоту», – думал он, надевая серый с металлическим блеском комбинезон. На его груди и спине светилась цифра 232. Он застегнул молнию под самое горло, слегка завернул длинные рукава и зашнуровал высокие мягкие ботинки.

– 232-ой! Ты слишком долго возишься со шнурками своих ботинок. Ты еще не сушишь волосы? Шевелись, парень! Ты глубоко заблуждаешься, если думаешь, что я буду рыться в твоих мокрых волосах, ища твою молнию на затылке! Шевелитесь, парни! Быстрее! Живо, живо! – наставник зычно хлопал в ладоши, давая каждому правильные распоряжения, и его гигантская фигура легко и пластично, как в танце, вращалась меж подопечными. 232-ой уже заканчивал сушить свои густые волосы потоком теплого воздуха, как почти у самого уха раздалось громогласное:

– Конец! Всем встать в строй, приготовиться к осмотру! Всем оголить замки-змейки на затылке. Живо! Мы выбиваемся из графика.

232-ой, как и все, встал в строй лицом к стене и, придерживая руками волосы на затылке, обнажил маленькую, не более сантиметра, силиконовую змейку-замок. Наставник придирчиво вглядывался в каждую змейку, не спеша обходя строй.

– Парни, вы прекрасно знаете: змейка эта дорогого стоит... Это – вход в вашу жизнь, доступ к программированию. Ни мне, ни вам нет никакой возможности воспользоваться этим доступом – ни как разрушителю, ни как любопытному испытателю. Лишь высший создатель имеет право проникать в вашу жизнь и менять программу. Он – единственный, кто определенно знает, что кому требуется. Он вершит ваши судьбы, и в этом заключается высшая справедливость.

232-ой, стоя у зеркала, слушал слова наставника, и ему не нравилось собственное отражение, оно казалось намеренно холодным и чрезмерно рафинированным. Он зачесал волосы назад и отправился в столовую, следуя за остальными. Взял воду в высоком стакане с овального столика, где стояли еще девять стаканов, здесь же стояло и небольшое блюдо с энергетическими таблетками. Другой еды в этой столовой не позволялось, а точнее, всякую другую – человеческую еду – брать в рот запрещалось, любознательные подвергались наказанию. 232-ой стоял, облокотившись одним плечом о стену, сложив руки на груди и с удовольствием, маленькими глотками пил воду, продолжая внутренний монолог.

«Интересно, – думал 232-ой, положив в рот таблетку. – Куда исчезли эти двое, нарушившие закон? Сами факты исчезновений прикрыты покровом иносказаний, недомолвок, и никто не знает истинных причин. Поговаривают, бедняги подверглись перезагрузке и работают почти в безлюдных местах, возможно, под землей или в космосе. А, возможно, сошли сума и утилизированы. Удивительно, но никого не смущает такое положение дел... – он окинул взглядом окружающих. – Вот эти, боятся нарушить собственную безмятежность, как домашние коты – воспринимают лишь маленький мир, в котором живут, совершенно уходя от возможно трагических сторон большого мира. Чем я лучше? Такой же кот. Без свободы, понять большой мир невозможно... Но это опасно! Ну, разве осознание скрытых опасностей может препятствовать на пути к открытию таинственного мира. Нет! Конечно, нет!» – глаза 232-ого засветились теплым светом, и он свободно вздохнул.

– 232-ой, очнись! Парень, ты нарываешься на грубости?

– Нет, сэр, – ответил 232-ой, едва скрывая внутренний свет, который искрился в его глазах. Поставив стакан на столик, с удивлением заметил, что в комнате он один.

– Бегом в тренировочный зал!

– Да, сэр.

– Ты делаешь мне одолжение? Так вот, мне необходимо максимальное твое повиновение!

И без вариантов. Ты понял?

– Да, сэр, – откликнулся 232-ой, особо не затрачивая сил, чтобы показать свое подчинение.

Настроение наставника оставляло желать лучшего и, возможно, поэтому он провел лишь небольшую разминку и отправил всех по рабочим местам. К своему месту работы 232-ой шел осторожно, стараясь не шуметь, а главное – не попадаться на глаза людям. Это было крайне нежелательно – обзывал закон. Дом был просто великолепен, все в нем подчинялось четкому распорядку, а управление осуществлялось через главный компьютер. И управлял всем этим сложным механизмом 232-ой. В доме было три этажа, над его строительством и убранством трудились гениальные умы западных культур – живописцы, скульпторы и архитекторы. Проходя по многочисленным комнатам и залам, невозможно было без особого благоговения и уважения созерцать все эти великолепные творения. Богатство хозяина дома превышало все разумные представления. Успешным дополнением к этому убранству были две прекрасные жены и двое детей хозяина. Необозримый сад, газоны, цветы вокруг дома вызывали восхищение и восторг. Бассейн, скорее, напоминал естественное озеро, прохладная влага в нем

играла мириадами солнечных бликов, чуть слышно журча; песок огибал его золотой каймой, лежаки, кресла-качалки, столики являлись естественным атрибутом прибрежной полосы. Все это – и дом, и сад, и озеро были укрыты прозрачным куполом, через который беспрепятственно проникал свет. Под куполом всегда было лето, поддерживалась оптимальная температура, влажность, и теплые воздушные массы наполняли округу ароматами заливных лугов. 232-ой, успешно преодолев коридор, занял свое рабочее место, мысленно обменялся с центральным компьютером информацией и принял сигнал о необходимости убрать запах после жарки на пищеблоке. Задача была выполнена компьютером, он лишь проверил эффективность действия нейтрализаторов. Команды для центрального компьютера поступали нескончаемо, и 232-ой следил за их выполнением, не допуская даже малейших сбоев. Он обязан был следить за всем происходящим в доме посредством множества камер слежения. Он знал коды от всех дверей, кроме центрального выхода в большой мир.

Побег

Время подходило к полудню, основная работа была завершена и появилась замечательная возможность воспользоваться свободным временем. 232-ой имел неутолимую любовь к познанию и тайно выуживал знания о жизни людей, животных, растений из глубин интернета, не было исключений для космоса, других миров и иных языков. Он пытался понять истинное значение событий, их масштабы и глубину.

В самом потаенном уголке своего «Я» надеясь, что эти приобретенные знания пригодятся ему, возможно, в его другой, неизведанной жизни. Он знал: это только начало, рано или поздно, когда-нибудь случится нечто, что перевернет всю его жизнь. И в ожидании этого время казалось бесконечным. Целью номер один было познать себя, для этого необходимо было лишь вычислить код от главного входа, суметь проникнуть в большой мир и раствориться в нем. Он неустанно работал над этим и почти решил проблему. Он выиграл у компьютера все цифры кода от входа в большой мир, кроме одной, последней. И сейчас напряженно пытался раскрыть тайну последней цифры. Скрипнула дверь в его кабинете, но он так был поглощен своим занятием, что появление на пороге девушки-робота со стаканом воды и энергетической таблеткой было весьма неожиданным.

– Спасибо! – сказал он, с явным удовольствием глядя на девушку.

Ее голубые доверчивые глаза притягивали взгляд, гладкие каштановые волосы касались ее плеч, а под комбинезоном угадывалась прекрасная фигура. Девушка лишь улыбнулась в ответ и, уходя, торопливо закрыла за собой дверь. 232-ой привычным движением положил таблетку в рот, глядя на монитор, провожая девушку, сделал глоток воды и едва не выронил стакана из рук, услышав крик девушки, которая только что вышла из его кабинета.

– О, мой господин! – девушка стояла на коленях и обнимала ноги хозяина дома. – Простите... Помилуйте! Не надо, я все отдам! – Она подняла на хозяина глаза, полные страха и бессильного отчаяния.

– Конечно, отдашь, куда ты денешься!

– Мой господин, простите! Они... такие красивые... Я взяла их чтобы посмотреть! Их так много у вашей жены... Я все отдам, не наказывайте меня, прошу! – горько и беззащитно плакала девушка, как ребенок сжав руки в кулачки.

Глядя в монитор, 232-ой видел, как из-за поворота появился полный решимости полицейский нравов из специального подразделения, занимающегося нарушениями закона, совершаемыми биороботами. Подойдя, полицейский щелкнул каблучками своих черных лакированных туфель и отдал честь хозяину дома, приставив руку в белой перчатке под блестящий черный козырек своей серой фуражки.

– Разрешите приступить?

– Да... – брезгливо сквозь зубы произнес хозяин дома.

– Пощадите! – продолжая плакать, умоляла девушка.

– Встать, дрянь! Какое право ты имеешь прикасаться к человеку? Покажи свое лицо! – полицейский схватил девушку за волосы и поднял ее заплаканное лицо вверх. – А-а, так это ты? Ты, воровка, крадешь украшения жены хозяина не первый раз! О какой пощаде может идти речь? Ты понимаешь, механическая тварь, что не вернешься уже сюда? Ты не оценила благородства своего хозяина и будешь наказана!

232-ой видел, как девушка плачет и повторяет как заклинания.

– Простите, помилуйте, мой господин... Но они такие красивые!

Девушка едва могла идти, и полицейский неустанно подталкивал ее.

– Иди же быстрее! Куда ты спрятала кольцо? – спросил полицейский и сам себе ответил:

– Конечно, в спальный мешок! Куда же еще, это единственная твоя вещь в этом доме...

Они зашли в комнату для технического отдыха девушек, хозяин дома остановился на пороге открытой двери, с явным нежеланием идти дальше.

– Я здесь...

– Да-да, конечно, – поспешно ответил полицейский. – Я все сам сделаю. Где мешок этой куклы? Да вот он! – Полицейский сунул руку в спальный мешок и стал энергично ощупывать его внутренности. Хозяин – человек среднего роста и возраста в белой рубашке и черных брюках, слегка располневший, молча наблюдал за происходящим. Девушка тоже молчала, она была напугана и растеряна. Полицейский извлек руку из мешка и 232-ой увидел маленькое колечко с блестящим розовым камнем. Сознание 232-ого просто взорвалось от бессильной ярости, он ткнул пальцем в монитор и тот нехотя погас. Он сделал несколько глотков воды и определенно решил, что здесь ему делать больше нечего – никакая материальная сытость и шаткое благополучие не могут стать ценой, позволяющей отказаться от поиска свободы и познания мира. Он твердо решил – не позже завтрашнего утра он покинет этот дом. Но это завтра, а сейчас работы было хоть отбавляй – все семейство готовилось отправиться в гости на праздник. 232-ой ловил себя на мысли, что время тянется предательски медленно, но наконец праздничный кортеж проследовал за ворота. «Да, вот он, долгожданный момент!» – ликовал 232-ой. Он разработал и сейчас применил программу по взлому центрального кода, она работала в момент открытия и закрытия ворот. Наконец-то код был в руках у 232-ого! Он знал, что семейство вернется не раньше завтрашнего вечера, и более удобного для побега случая не представится еще долго. 232-ой заканчивал работу, когда поздний вечер уверенно вступал в свои права. Всплыла низкая и полная луна, она грустно, молчаливо освещала свой путь за узорной листвой раскидистых деревьев. В доме наступили тишина и покой. 232-ой отправился в комнату для технического отдыха и приготовился ко сну. Для него начались те часы, которые оставались едва ли не самыми приятными в его жизни. В мягком спальном мешке появилась возможность расслабиться, расправить спину, согреться, прикрыть уставшие глаза, да и просто – быть предоставленным самому себе и думать, думать... Но сегодня спальный мешок показался ему тесным и душным, он высвободил руки из мешка, долго пытался найти удобную позу для сна и не заметил, как уснул. Снилось ему маленькая спальная комната, он лежит в удобной кровати, солнечный луч ласкает его щеку. Он слышит легкие женские шаги, сердце радостно встречает их. Мягкая женская рука гладит его по голове, перебирает его волосы. Ему спокойно, он не хочет открывать глаза. Неожиданно для него женщина ласково, но настойчиво позвала: «Алекс, милый, проснись! Ну же, Алекс, дорогой, вставай!» Сердце его застыло от удивления, он проснулся. А сердце забилось вновь, бешено задыхаясь от волнения. «Откуда, откуда это имя – Алекс?!» – думал 232-ой. Он не в состоянии был переварить всю полноту увиденного, зная, что роботы не имеют имен. Но одно было совершенно бесспорно – во сне имя принадлежало ему. Пора было вносить ясность в жизнь, и он был готов, – без этого предварительного условия все усилия сводились бы к нулю. Оставалось сделать совсем ничего – уйти за ворота, кануть в неизведанное и узнать все. 232-ой с трудом заставил себя дожидаться утра. Все шло обыкновенно, как и всегда. Он вел себя совершенно спокойно, но ему с трудом удавалось скрывать томление, предвкушение чего-то необыкновенного и важного. Лишь зайдя в свой кабинет, он позволил себе вздохнуть свободно, обменялся новостями с компьютером и отладил все системы обеспечения. Через камеры слежения осмотрел дом, сад, все закоулки, а главное – центральные ворота. Ничего не предвещало неожиданностей, все были на своих местах и занимались своими делами. 232-ой отключил камеры слежения, беззвучно выскользнул за дверь, быстро, почти молниеносно миновал дом, сад и вышел к центральным воротам. Несколько секунд ему понадобилось, чтобы открыть их. То, что он увидел, превзошло все его ожидания – за воротами стояла ранняя осень, увиденное радовало и восхищало широтой охвата, свежестью, чистотой, отсутствием каких либо рамок и ограничений, свободным разгулом красок и света. К воротам дома шла асфальтированная подъездная дорога, сразу

за ней был лес. Он вступил на самую кромку леса, усталый, но счастливый. Свободно вздохнул полной грудью и, ощутив свежесть настоящего утра, осторожно вошел в гущу растений. Наконец он позволил себе закрыть глаза и слушать шелест листьев и утреннее пение птиц.

Свобода

«Вот и все! Я свободен! И – будь что будет!» – подумал он и шагнул дальше, вглубь леса. Едва заметная тропинка вела его в неизвестность. Прекрасные, высокие, раскидистые деревья, полные невыразимого величия, окружали его; их зеленые, желтые, багровые листья трепетали от малейшего дыхания ветра, подставляя себя потоку солнечного света. От запахов травы, опавших листьев и нагретой земли кружилась голова. Серебристые нити паутины флагами развевались надо всей этой растительностью. 232-ой пробирался сквозь, как ему казалось, дикие заросли. Но вскоре характер леса существенно изменился: буйные заросли уступили место кустарникам и лугам, зыбь теней на его плечах исчезла и уступила место солнечному свету, день обещал быть сухим и жарким. Между тем, луга постепенно превращались в газоны, а кустарники представляли собой стриженные композиции, все чаще встречались каменные скамьи. Сомнений не было – цивилизация наступала, подчинив себе лес и превратив его в парк. 232-ой с удивлением заметил – в столь ранний час он в парке один, и нет ровным счетом ничего, что могло бы угрожать ему. Впрочем, нет, он был не один – черная, с белой грудкой и белыми лапками кошка без всякого смущения бежала по тропинке, неся что-то в зубах. Пройти мимо такого чудесного существа не было сил, он остановился и почувствовал себя другим, новым от нахлынувшей свежести ощущения мира. Он стоял неподвижно, боясь испугать животное, и улыбался, восхищаясь красотой и грацией этого маленького существа. Живых животных 232-ой некогда не видел; мертвых – да, когда хозяин возвращался с охоты. Он живо вспомнил гордого хозяина и, глядя на кошку, которая деловито прыгнула на скамейку и прижала лапкой свою ношу, подумал, что охота – осквернение и разрушение свободной природы. 232-ой сделал несколько осторожных шагов вперед, чтобы лучше разглядеть животное. Но кошка прижала лапкой добычу – неизвестную ему птичку, цветные перышки которой были растрепаны; маленькая птичья головка свисала со скамьи. Он намеревался еще чуть приблизиться к кошке, но та издала какой-то урчащий звук, прижала уши к голове и вцепилась зубами в маленькое птичье тельце. А глаза зверька сверкнули сердито и угрожающе. Она как будто совсем недвусмысленно говорила: «Птичку ты не получишь, так и знай! Я съем ее сама и не с кем делиться не собираюсь!» 232-ой стоял тихо, не шелохнувшись, едва сдерживая смех.

– Ешь, я не трону тебя, – отчего-то вслух сказал он.

Кошка тут же успокоилась. Деловито ощипала птичку зубами, образовав вокруг себя и под скамьей ворох маленьких цветных перышек. Некоторые из них прилипли к ее мордочке и она, смешно фыркая, осторожно и умело убирала их лапкой. Когда появились первые капли крови, она с аппетитом принялась за еду. «Вот кошка, – думал 232-ой, – настоящее живое существо, спокойно доедает свой завтрак. Возможно, я тоже живое существо – человек. В таком случае, сама природа обязала меня есть человеческую пищу, и никакие запреты не станут мне преградой, чтобы осуществить это. И это будет настоящим доказательством моей человеческой сущности.

Умница киска!» – Воодушевленно подумал он, глядя, как кошка розовым язычком очищает свой мех – лапками терла мордочку, за ушками и, несомненно, ощущала себя счастливой. 232-ой почти физически чувствовал, как он меняется – уходит страх и жесткое самоограничение, приходят силы и уверенность в себе. «Несомненно, необходимо сделать лишь первый шаг на своем пути – просто поесть. И прекратить терзать себя ожиданиями и неизвестностью», – подумал он и решительно зашагал по парковой дорожке. В кармане его комбинезона гремела мелочь, которую он украл у детей хозяина, опустошив их копилки, перед тем, как покинуть дом. Он извлек и пересчитал деньги, но ему пришлось признать, что он не способен понять, много их или мало – он никогда не пользовался деньгами. Парк был безлюден, и он безбоязненно переходил с одной парковой дорожки на другую, пытаясь найти выход. Наконец, пройдя

сквозь зеленую арку из деревьев, он обнаружил ворота кованого железа с затейливым узором. Это и был выход. Сразу за воротами, вдоль парка, тянулась асфальтированная дорога, по обе стороны которой вереницей росли деревья с раскидистыми кронами. За дорогой в особом порядке стояли двух-трех этажные дома, окруженные садами, цветниками и газонами. Высотных зданий здесь не было, возможно, это был небольшой городок, а может, окраина большого города. Единственное здание выделялось из всего спокойного тихого ансамбля. Оно находилось напротив парковых ворот, через дорогу. К нему вели с десятка мраморных ступеней, что возвышало его над ландшафтом. Утреннее солнце малиновыми и желтыми бликами отражалось в стеклянных дверях здания – их было четыре. Большая, светящаяся неонами буква «Т» гордо венчала крышу здания.

– Тоннель! – вполголоса произнес 232-ой. Там, в доме хозяина, черпая информацию, предоставляемую компьютером, он узнал, что за стеклянными дверями – тоннель, в нем проходят железные дороги и там внутри, несомненно, множество торговых аппаратов с огромным ассортиментом вкусных вещей. По дороге почти бесшумно промчались две дорогие машины – начиналась активная жизнь городка. 232-ой, недолго думая, пересек дорогу, почти взлетел вверх по ступенькам и, удерживая взволнованное дыхание, лишь на миг остановился у дверей. Одна из них открылась, и он, шагнув вовнутрь, оказался на самом вершине широкой многоступенчатой лестницы, ведущей вниз. Он не спеша спускался, давая себе возможность оглядеться и оценить ситуацию. Взору открылся большой мраморный зал, его разрезал пополам строй квадратных колонн, уходящих в далекую темноту тоннеля. По правую сторону от колонн располагалась широкая платформа с мраморными скамьями, до блеска отполированными миллионами человеческих прикосновений. По левую сторону, вдоль стены, находилось множество торговых аппаратов, что несказанно обрадовало 232-ого. Вероятно, рекламные компании немало потрудились, чтобы каждый проходивший мимо, имея при себе хотя бы несколько монет, обязательно сделал покупку, да не одну, а с удовольствием потратил все до копейки. Аппараты торговали конфетами в разноцветных золотистых фантиках, шоколадом разного сорта, булочками, печеньем, напитками, пирожными и еще чем-то таким, о чем 232-ой вообще не имел никаких познаний. Но внимание 232-ого привлекло мороженое. Реклама обещала неповторимый, богатый разнообразными оттенками вкус. А вкус для 232-ого был непознанной и необъяснимой тайной. Он, полный неизъяснимого смущения, засунул руку в карман, достал горсть монет и очень удивился и обрадовался – денег хватило на большую порцию мороженого, которую под торжественный музыкальный перелив аппарат 232-ому и выдал. Он взял золотистый, хрустящий фольгой пакет и едва не выронил его – изморозь обожгла пальцы. Горячая волна хлынула ему в лицо, он почти не дышал, пытаясь вскрыть фольгу, и она поддалась, обнажив пышную белую шапку мороженого в вафельном стаканчике. Воздух наполнился ароматом. «Как это едят?» – преодолевая волнение, спрашивал сам себя 232-ой. И тут же, неожиданно для самого себя, кончиком языка решительно лизнул верхний завиток лакомства. Реклама не обманула – оттенков вкуса 232-ой испытал предостаточно: сначала холодный колючий ежик промчался по его языку, затем свою партию сыграли сладкий, сливочный, карамельный вкусы, и в завершении добавилась легкая кислинка какого-то фрукта. Мороженое было восхитительно вкусным! И вкус этот опрокинул восприятие 232-ого. Магия, с которой он столкнулся, была невероятной и загадочной. Непостижимо, но сладость на языке давала ощущение радости, торжественного спокойствия и наслаждения. Почти не отрывая взгляда от мороженого, 232-ой медленно удалялся от шумных торговых аппаратов лишь с одним желанием – присесть на скамью и доест мороженое. Робкий огонек надежды отразился блеском в его глазах: «Возможно, я – человек? И если так, страшно, – грусть стеснила его грудь, – как я мог влачить жалкое существование, жить без наслаждения. Чувствовать лишь страх неизбежного безвременного исчезновения, блуждание от сомнения к сомнению, от одного заблуждения к другому... – 232-ой шагал

по краю платформы и предавался мыслям: – Я выбрал путь, и надо идти, ничего не отвергая решительно и ничему не верить слепо. И пусть...»

– Как это скучно! Никакой тебе погони... В самом деле, такой развязки я не ожидал! Минуту назад получил сигнал о побеге 232-ого, а зверь уже на ловца бежит!

232-ой поднял глаза, потеряв мысль, и застыл от неожиданности. Полицейский нравов возник перед ним, как будто из ничего. Он был среднего роста, широк в плечах, его торс перелестывала португеза, кобура для пистолета была открыта, рукоятка бластера в готовности торчала наружу.

– Но позвольте, сэр! Выслушайте... Это очень важно для всех нас! Мне необходимо кому-то все объяснить! – в смятении выкрикнул 232-ой и опустил руку с мороженым вниз.

– Что? О, неужели! – маленькие черные глаза полицейского, совсем недобро сверкнули под белесыми ресницами. – Да ты, я вижу, осмелился есть человеческую еду? Да ты наглец! Нарушил закон по нескольким статьям и требуешь, что бы я выслушал твои объяснения. А ты знаешь... – полицейский растянул тонкие губы в ехидной улыбке. – Я получил приказ при обнаружении, немедленно уничтожить тебя, как опасного преступника! – последние слова он произнес нарочно с расстановкой громко и внятно, его рука решительно легла на рукоятку бластера.

– Нет, сэр! Не делайте этого, пожалуйста, не надо! – 232-ой сделал шаг и, слегка наклонив голову, вытянул руку вперед, пытаясь предотвратить ситуацию.

– Стоять! – Полицейский отшатнулся назад. – Меня предупредили – ты умен и коварен... Но я скажу больше – ты сумасшедший, ты заражен вирусом! Агрессивная механическая тварь! – Он быстрым, хорошо тренированным движением выхватил бластер из кобуры. – Тебе конец парень!

232-ой увидел, как бластер взметнулся вверх, и дуло слепым черным глазом тупо уставилось ему в грудь. Мозг 232-ого замолк, прекратив свой вечный диалог. Время вдруг стало вязким и медленно отсчитывало секунды. Холод и оцепенение предательски завладели телом 232-ого, но и что-то жаркое глухо стучало у него в груди, желая жить и стучать дальше. Яркая вспышка света, как будто кто-то чиркнул гигантской спичкой, ослепила его. Страшный удар в грудь отбросил 232-ого назад, но ему удалось устоять на ногах, колени его дрожали, он, пытаясь удержать равновесие, сделал шаг вперед, но невыносимая боль сломала его пополам. Он прижал руку к груди и упал на одно колено, стиснув зубы, преодолевая боль. Мысли его устало и медленно то исчезали, то возникали вновь: «Где же тот умелец... Датчики боли, несомненно, хороши... Он старался, но они сгорят. Еще немного, и с болью будет покончено...» Он пытался уловить запах горящих полимеров, но почувствовал странный приторно-сладковатый запах, вызвавший у него дурноту и головокружение. Это обстоятельство удивило его и заставило мозг вернуть себе способность ясно мыслить. Липкая теплая жидкость заполняла его комбинезон изнутри и сочилась сквозь пальцы прижатой к груди руки. Именно эта багровая жидкость источала тот самый приторный запах, она же желеобразный лепешкой свернулась на его ладони.

«Что это? – сдерживая волнение и страх, думал 232-ой. Страшная догадка заставила его подняться на ноги. – Кровь? Это кровь!» Полицейский незамедлительно занял позицию на безопасном расстоянии от 232-ого, держа его под постоянным прицелом.

– Кровь! – 232-ой вытянул вперед окровавленную дрожащую руку – Вы видите... Это кровь. Я человек! – сколько мог твердым голосом вымолвил он, и по смертельно бледному лицу его скользнула счастливая улыбка. – Я – человек! – беззвучно повторили его губы.

– Что? Что ты бормочешь, датчики боли сгорели? Чему ты там улыбаешься?! – бешеная злоба исказила лицо полицейского. – Сумасшедшая тварь!

Тело 232-ого отказывалось подчиняться своему хозяину, стало невесомым, слова полицейского показались ущербными и утратили всякий смысл, он чувствовал, что некая жизнен-

ная энергия покидает его, и вместе с ней уходит и он, но уходит свободным человеком. Глаза его утратили блеск и потемнели, но тусклая улыбка все еще жила на его лице.

– Ненавижу! Не пойму: отчего ты так счастлив? Да ты смеешься надо мной? На, получи! – И, потеряв, всякое самообладание, ослепленный яростью, человек-полицейский ударом ноги толкнул 232-ого с платформы на железнодорожное полотно. В глубине черного жерла туннеля нарастал гул. И несколько секунд спустя белый поезд с двумя голубыми полосками по бокам вылетел из черноты и, ослепительно сверкая мелькающими окнами, промчался рядом с платформой. Полицейский, презрительно взглянул на подтаявшее мороженное, оставшееся лежать на платформе, поблескивая скомканной оберткой, раздавил его ногой и, не оборачиваясь, зашагал к своему прозрачному, пуленепробиваемому кабинету у стены.

– Алло, третий, нужна помощь. Пришлите команду для сбора биотехнических отходов и дезинфектора... срочно! Конец связи, – отдал распоряжение полицейский, с удовольствием играя сотовым телефоном на кожаном шнурке. Лицо его выражало уверенность и удовлетворение от выполненного им долга.

Часть вторая

Пусть в другой мир

Было совершенной неожиданностью для 232-ого, когда разорвалась какая-то связь, и он за ненужностью сбросил с себя что-то, освободился от чего-то, что очень стесняло его всего лишь какое-то мгновение назад. Сила, независимая от него, вытолкнула его вверх, к самому потолку, как поплавок из воды. Он мог лишь ясно созерцать происходящее. Такое положение не было помехой, нисколько не смутило его, наоборот – он испытывал легкость, невероятную гибкость и присутствие ясного здравого смысла. То, что произошло, трудно поддавалось логике рассудка, но 232-ой спокойно воспринял происходящее как нечто закономерное и естественное. Он взглянул вниз. Зрелище было ошеломляющим – странное бесформенное существо лежало на железнодорожных путях, что-то узнаваемое было в нем. «Что это?» – подумал он, пытаясь найти связь, соединяющую его с этим бесформенным существом; воспоминания о нем всплыли из глубины сознания 232-ого как нечто ранее живущие и принадлежащие ему. Но неожиданно для себя он понял, что объект созерцания не волнует его. И все, что случилось, осталось в прошлом, в другой жизни. Новое мощно захватило его в свои объятия, путь назад был отрезан. Трудно найти равное тому наслаждению, какое овладело им. Все мрачное, суровое отпало, и он вновь открыт всему новому, перед ним другой необъятный мир и – неоспоримое осознание себя человеком. Все тот же комбинезон с цифрой 232 был на нем, но чистый и не тронутый. 232-ой вытянулся у самого потолка, рядом с большой круглой лампой дневного света, похожей на перевернутую вверх дном тарелку, засиженную мелкими букашками и пауками. Его переполняло захватывающее чувство, он видел и слышал то, о чем раньше не имел никакого представления. Его слух улавливал стрекотание, шуршание лапок и хлопанье крыльев этой мелкоты. А глаза самым чудесным образом видели ворсинки, прожилки на их крыльях, их челюсти и сложные глаза. Такая неожиданная способность его тела нравилась ему и забавляла, но стойкое желание покинуть тоннель было непреодолимым. Главной помехой был грязный воздух и пыль. Каждая пылинка воспринималась его тонким телом, как некое грубое вмешательство, дышать было трудно. Он затаивал дыхание, затем делал вдох – это не давало ему ощущать свободу и полноту своих возможностей. «На свободу, на свежий воздух, скорее в парк... куда угодно, только подальше от этой духоты!» – думал он и почти без усилий заскользил в пространстве к выходу, к стеклянным дверям, через которые мощным потоком бил свет. Он летел, как мотылек на блистающий свет, но случилось невероятное – вокруг сгустился сумрак, и тьма поглотила его, перечеркнув радость и надежду, оставив ему растерянность и насытив чувством своеобразного ужаса. Тьма, густая и вязкая, как черная вода, простиралась от края до края, не оставив ему никаких ориентиров. 232-ой двигался в этом пространстве, как неумелый пловец, прилагая титанические усилия. Казалось, он тонет или тьма тянет его на дно, но тьма приоткрылась как бы на узенькую щелку, и где-то высоко над его головой сверкнул яркий свет, точнее, не сверкнул, а пролился во тьму яркой белой струей. Это дало слабую надежду на спасение, и он заспешил к свету, пытаясь вынырнуть. Но страшный крик, пришедший из глубин тьмы, остановил его, заставив прислушаться. Крик прозвучал неожиданно, как выстрел, и сердце 232-ого екнуло и замерло – безмерно жуткий крик без сомнения принадлежал человеку и был обусловлен болью и страданием. Холодное, бессильное отчаяние овладело 232-ым. Неведенье – вот тому причина, тьма была столь непроницаемой, что он был словно пленник, которому завязали глаза и толкнули в открытую дверь, один на один противостоять неизвестности и мраку. 232-ой не видел ни жертв, ни того, что мучило их, но человеческие крики обрушались на него со всех сторон, как лавина, образуя безмерное

море страданий. «Дурной знак!» – подумал 232-ой и предпринял очередной рывок к свету, но пространство вокруг него тяжело завибрировало, выдавая чье-то могучее движение. Рядом, почти за его плечами, хриплый, похожий на рычание старой собаки голос, дерзко произнес:

– Не набрасывайся на него, не спеши, он наш, мы первыми нашли его. Пришло время обеда, и мы его никому не отдадим. Весь гаввах, который мы возьмем у него, будет наш!

232-ой молниеносно оглянулся, но встретил лишь пустоту.

– Не приказывай мне! – разорвал тишину свирепый голос у самого лица 232-ого. – Ты знаешь, как я голоден, мне нужны страдания и кровь.

– Не ори, так ты соберешь голодных, – гнусно предупредил первый голос. – Пусть только сунутся... он наш, и все! Я достиг высочайшей степени получения гавваха, мой ранг высок...

– Да, мы не станем делить его! Но... всмотришься, он безгрешен, мы не имеем права его трогать – таков закон кармы, и если мы нарушим его, нас...

– Знаю, нас сбросят на дно... но я голоден! Понюхай его, он боится нас, его страх так приятен.

Черное пространство перед лицом 232-ого поредело, став, черно-лиловым, и он ясно увидел отталкивающее и ужасное лицо, в котором угадывалась хищная и безжалостная природа. Два налитых кровью глаза жадно, с глубоким сожалением смотрели на него. Из рта, набитого острыми зубами, капала вязкая, пенистая жидкость. Существо втягивало воздух, улавливая запах, двумя круглыми отверстиями на выступающей вперед части лица. Коричневые волосы покрывали его голову и большую часть лица чудовища. Сухая жаркая волна заполнила грудь и хлынула в голову 232-ого, он рванул воротник комбинезона у самого горла, замок-змейка поддался и дал свободу движению. Это простое действие прояснило его сознание, которое находилось в оцепенении, и предпринятый мощный рывок вперед вытолкнул его в струю света. 232-ой кожей ощутил, как существа в бессильной ярости всей своей телесной мощью рванули за ним к свету и черное пространство бешено закипело за его спиной, но разбилось о свет, как волна о волнорез, и затихло.

Лучезарный покой царил в тоннеле, наполненном светом, не имеющим сравнения ни с чем. Даже солнечный свет, который когда-то он так любил на Земле, сейчас вспомнился, как желтый, слепящий глаза и, как это ни парадоксально, тусклый. Здешний свет, лившийся издалека, был лучезарным, искрящимся, белым и одновременно – невыразимо мягким, чарующе нежным и легким. Движимый магическим очарованием, 232-ой понесся в конец туннеля, навстречу свету. И удивился, когда, приблизившись, увидел, что свет простирается от края до края и его источником являются звезды, галактики, точнее – скопления галактик, которые очень плотно примыкали друг к другу, образуя гигантскую спираль, плавно вращающуюся против часовой стрелки, от центра – к периферии. 232-ой, будто убаюкиваемый кем-то, растворился в счастливой дремоте, не в силах оторвать глаз от чудесного света. Он ощущал себя подобно ребенку, который после обид и незаслуженной горечи неожиданно, как подарок, получил любовь, ласку и особенную теплоту. Чувства захватывающей красоты, восторга и изумления овладели им, и лишь скользнувшие совсем рядом две тени заставили 232-ого оторвать взгляд от чудесного света. Два высоких стройных человека летели по обе стороны от него, они были гораздо выше его ростом, а длинные белые одежды в сумраке пространства и белые локоны развивающихся волос казались свинцовыми, но лица излучали внутренний свет и теплоту, несмотря на внешнюю сдержанность и даже суровость. Ничего не препятствовало полету 232-ого, даже ветер, обдувающий его, не издавал ни звука, лишь были едва ощутимы мягкие его прикосновения. Но возникший неизвестно откуда голос явственно зазвучал, внутри 232-ого. Голос был свежий, насыщенный, но спокойный и доверительный. 232-ой остановился и в смятении поднял глаза на своих спутников, пытаясь определить источник звуков, спутники безмолвно смотрели на него, но их многозначительные взгляды и открытая улыбка заставили 232-ого поверить, что он чудесным образом слышит мысли своих спутников, обращенные к

нему. Они достаточно ясно давали понять 232-ому, что для дальнейшего совместного путешествия им нужны лишь кончики пальцев его рук, а его, 232-ого, ждет дело огромной важности. 232-ой лишь мгновение медлил, но сомнения его растворились сами собой. Его пальцы бегло коснулись их пальцев и они, как единое целое, понеслись вверх, преодолевая огромные пространства.

232-ой совсем не наблюдал за дорогой – за ненадобностью. Свет – вот что всецело захватило его, и он любовался им сквозь прикрытые ресницы, и радужные лучи танцевали, сверкая у самых его глаз. Казалось, ничего не трогало его, но это было не совсем так, во всяком случае, его любованье светом не препятствовало возможности замечать происходящее вокруг. А происходили странные и любопытные вещи: мимо него пролетел, замороженный и увлекаемый светом, молодой человек лет шестнадцати, весьма странно одетый – кроме спортивных штанов на нем не было никакой другой одежды, но это не мешало молодому человеку любоваться светом. Неуклюже барахтаясь и переворачиваясь с ног на голову и обратно, мимо пролетела толстая старуха в платке и цветастом платье, и 232-ой слышал, как она, совсем сбитая с толку, повторяла: «О Боже, что же это такое? Ничего не понимаю...» Мимо пролетел еще кто-то, и отчего-то все происходящее воспринималось как само собой разумеющееся и давно 232-ому знакомое. Но неожиданно из потока белого света возникла белая башня, так выразительно и эффектно, что 232-ому показалось – она материализовалась из ничего.

Наставник воинов Света

Башня возвышалась над всем видимым миром, ее врата, сияющие и легкие, как крылья бабочки, отворились и несшие его буквально закинули 232-ого в огромный круглый зал и удалились так же тихо и незаметно, как и появились ранее. 232-ой был здесь совершенно один и, постояв какое-то время у входа, справедливо полагая, что его должны встретить, но так и не дождавшись никого, решил сам приоткрыть завесу тайны своего присутствия здесь. Он уверенно зашагал вдоль высоких стен по инкрустированному камнями полу, рассматривая стену, искусно драпированную одинаково белыми кусками ткани, которые изысканной цепью переплетались между собой. Голографическая, нанесенная белым по белому, сверкающая надпись на непонятном языке красовалась на каждом из них. Надпись не поддавалась прочтению, несмотря на все усилия 232-ого. Он подходил к надписи то с одной, то с другой стороны, а буквы играли с ним, создавая иллюзию, позволяющую видеть их со всех сторон, но тайны свои раскрывать не спешили. Надпись, казалась, поэтично звучала в пространстве, и 232-ой определенно слышал ее торжественный заоблачный голос. На каждый кусок этой ткани был водружен великолепный обоюдоострый меч, лезвие которого сверкало, но совсем не холодно, а олицетворяло собой исключительную доблесть. Синие, зеленые и прозрачные драгоценные камни легко, таинственно и многогранно отражали свет на рукоятке меча и его ножнах. Благо, этот свет лучезарным и мощным потоком беспрепятственно лился внутрь зала из отверстия, бывшего вместо потолка. В самом конце зала стоял трон, обтянутый все той же белой тканью, а подлокотники и высокая спинка его сияли той же гаммой драгоценных камней. «Зачем я здесь?» – любопытство разъедало 232-ого, а глаза искали кругом хоть кого-то. Предвкушение чего-то необыкновенного волновало его кровь.

– Алекс! – услышал он имя, произнесенное позади себя, и обернулся, ища того, кому, возможно, и принадлежит это имя.

– Не ищи никого! Это ты – Алекс. Так тебя назвала твоя мать, и ты должен помнить свое имя. И еще... Ты – воин Света! Ты сам сделал этот выбор. – От противоположной стены зала на встречу 232-ому шел старик. Поступь его была легка и уверена. Лицо испещрено глубокими морщинами, но глаза его, окруженные тенью лет, были по-юношески живы и выразительны. Белый плащ покрывал его плечи, а не прикрытая плащом рукоятка меча таинственно мерцала камнями, так же, как рукоятки мечей, висящих на стенах.

– Кто вы? – произнес 232-ой, скрывая тайное волнение, и собственный голос показался ему незнакомым.

– Верховный наставник воинов Света, – сдержанно представился старик.

«Как? – подумал 232-ой. – Невероятно, этот столетний, накрахмаленный старик – наставник воинов Света. Смешно! Хотя, он высок, строен, осанист и груз лет, кажется совсем не тяготит его... Но где же мышцы, где сила, где, наконец, быстрота и ловкость? Все в прошлом! Какая досадная и непростительная ошибка! Кто назначил его на этот пост?»

– Здесь нет никакой ошибки, молодой человек. Я был избран многими и стал первым среди достойных. А на свой пост я пришел сквозь строгий искус. Пойми, Алекс, такому сану не может соответствовать ни молодость, ни даже зрелость, лишь старость, – ответил наставник, уловив мысли Алекса.

– Почему?

– Искушения и борьба страстей должны быть давно изжиты, а перед лицом опасности и смерти я должен быть спокоен, потому что совесть моя чиста и вера непоколебима.

– А как же военное искусство, его, так сказать, техническая часть, тренировки, дисциплина...

– Ты не понял, Алекс. Я – верховный наставник, и от меня требуются не приземленные вещи. Мудрость мое оружие. Мудрость, которая понимает с первого взгляда, которая в самых невероятных вопросах находит существо, которая ни на миг не становится глуха к голосу совести. И еще, прошу тебя, называй меня просто – наставник, – старец тепло взглянул на 232-ого.

– Наставник, вы сказали, что я – воин Света. Это не так, вы ошиблись. Я – 232-ой, без имени и рода. Я лишь недавно узнал о том, что я человек, и о воинах Света я ничего не знаю. Это не мой выбор, поверьте, я говорю правду!

– О, нет! Забудь этот номер, это постыдное клеймо раба. Но помни всегда – ты человек! И ты как никто другой достоин этого звания, за него ты дал весьма высокую цену – жизнь, – в голосе наставника слышалась грусть, он наклонил голову и шелк его длинных белых волос закрыл часть его лица, но, отогнав с лица мрачную тень, он возвратил прежнее спокойствие.

– Было бы наивно пытаться полагать, Алекс, что выбор, сделанный тобой, кто-то навязал тебе. Все не просто в этом мире и совсем не случайно. Ты сам выбрал свой духовный путь, еще там, на Земле. Ты не давал никаких «страшных» клятв, не совершал никаких ритуалов, ты лишь усомнился в своем происхождении, и правда стала твоей спутницей, она вывела тебя из мрака к свету. И вот ты здесь, Алекс!

Алекс почувствовал, как что-то неосознанное коснулось его души, проникло глубоко и засело в виде предчувствия чего-то. Он понял, что это легкое прикосновение – поворот судьбы. «Что я должен ждать от будущего? Что мне уготовано в нем?» – спрашивал он себя мысленно, но ответом было абсолютное молчание, лишь осознание возможных скрытых опасностей мутной волной всплыло на поверхность. Алекс не задал своих вопросов наставнику, но открыто посмотрел ему в глаза.

– Ты прав, Алекс, твое предчувствие – не игра твоего воображения, тебя действительно ждут великие испытания. Видишь эти куски ткани на стенах? Это – плащи воинов Света. А эту надпись на них? Так вот, это – латынь и здесь написано «Per aspera ad astra», а переводится, это так «Через тернии к звездам». Ты коснулся высшей реальности, в этих словах – путь воина Света. Тебе предстоит пройти его. И когда твои плечи покроет этот плащ, а в ножнах, победно сверкая камнями, будет меч – ты будешь посвящен в воины Света. Но перед этим тебя ждет действительно трудное задание.

– Какое? Возможно, я не достоин этого звания и не выполню задание... Вы потеряете доверие ко мне.

– Никогда! Но ход твоих мыслей по меньшей мере опасен... Запомни: сомнения отбрасывают идущего назад, – наставник по-отечески мягко окинул взглядом Алекса и продолжил: – Тебе необходимо отдохнуть и набраться сил. Сейчас я отведу тебя в великую страну отдыха и там расскажу о произошедших за последнее время событиях, о предстоящем тебе задании.

Беседуя, они шли вдоль стены, и Алекса очень удивляло большое количество узких арочных дверей, расположенных по всей окружности зала. «Что за нелепость? – думал он. – А, возможно, в этом кроется какая-то тайна или замысел?... Зачем их столько, они вплотную примыкают одна к другой! Да, скорее, это просто нелепость...»

– Никакого секрета нет, – прервал его мысли наставник. – Ты не поверишь, но Вселенная многослойна, и эти двери открывают путь в другие слои. Каждый слой – это материальный мир. Материальность каждого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Сейчас я открою вот эту дверь, и мы войдем в великую страну отдыха. Но это еще не все! В стране великого отдыха существуют смежные слои и их множество, чтобы перейти в другой слой требуется особое внутреннее состояние и желание, главное – создать внутри себя некую легкость... но об этом позже. А сейчас... – наставник сделал лицо таинственным и приоткрыл дверь, она издала звук, сравнимый лишь со звуком флейты, и затихла.

Алекс почувствовал легкий трепет перед неизвестностью. Еще шаг вперед и он, ведомый добрым вожатым, совершит переход в иные, насыщенные и прекрасные формы миров.

– Будь спокоен, Алекс! Иди за мной, сделай шаг – это не больно. Миры доступны каждому, но есть предварительное условие – это собственная готовность сделать шаг, намерение. – Наставник улыбнулся и шагнул в открытую дверь, Алекс последовал за ним.

Страна великого отдыха

Процесс перехода не произвел на Алекса никакого впечатления, возможно, он был не в состоянии ощутить его, изможденный тревогами и пережитым. Но, сделав еще шаг, Алекс погрузился в покой и ощутил мягкий ласковый свет, сравнимый лишь с легкостью весенних небес, тишайшую проникновенную музыку и любовь, разлитую всюду и предназначенную только ему. Множество светлых, ликующих лиц окружили его. Это были люди, пришедшие сюда ранее и уже достигшие невероятного преобразования, они ухаживали за Алексом с неистощимой радостью и любовью. И, когда по истечении времени Алекс ощутил нарастание сил, свежесть и ясность мыслей, он стал как бы другим и готов был совершить невозможное. Глаза его были прикрыты, он еще покоился на своем ложе, когда услышал голос наставника.

– Время пришло. Я вижу, ты окреп и готов для серьезного разговора.

– О да, если бы я обладал поэтическим даром, мой язык показался бы нищим для выражения словами радостных переживаний, полученных здесь. Я чувствую крылья за спиной и силу, способную и горы свернуть!

– Гор сворачивать ты не будешь, это я тебе обещаю... А если серьезно... Ну, да ладно, вставай, совершим прогулку и обсудим все на свежем воздухе.

Наставник откинул полог шатра, в котором все это время находился Алекс, и небесно-синий свет весело ворвался снаружи. Алекс шагнул вперед и взлетел, бесшумно ворвавшись в струящийся поток. Он ранее испытывал чувство полета, вернее, какая-то сила толкала его к свету вверх, и это происходило помимо его воли. Но это было необычайным ликующим чувством. Он летел спокойно, без усилий, тихо дыша и наслаждаясь.

– Что скажешь на это? – с каким-то ребячеством спросил наставник. Глаза его светились неподдельной радостью, как будто он сделал великолепный подарок своему другу, уловив его самое заветное желание. И сейчас до глубины сердца потрясен светлотой преобразенного.

– Я слышу тишайшую музыку, она наполнена теплотой и любовью именно ко мне! – выкрикнул Алекс, сделав немислимый пируэт в синей выси, пролетая над огромными цветами, размеры которых не мешали их удивительной нежности и составляли целые леса.

– Да, Алекс, эта любовь предназначена каждому, пребывающему здесь, а эта никогда не утомляющая музыка – шум колышущихся лесов.

– Да, я помню шум земного леса... но этот, здешний лесной шум полон смысла. Это правда?

Ответа не последовало, образовалась настораживающая тишина.

– Алекс... – наставник прервал затянувшееся молчание. – Алекс, Земле грозит гибель, – голос наставника был сух и трескуч, как надломленная ветвь, – и до этой гибели – всего один шаг...

– Как? – слова наставника как камень, варварски брошенный в чистый и гладкий источник, всколыхнули душу Алекса.

– Да, мой друг – это так. Я обязан рассказать тебе все. – Наставник подошел к прозрачному серебристому валуну. – Присядем здесь. Разговор будет долгим.

Валун оказался теплым, и это его свойство оказалось как нельзя более кстати – мрачные представления Алекса о гибели Земли отзывались весьма неприятным холодком, проскользнувшим по всему его телу.

– Нет, Алекс, Земля как планета останется на месте, как остались на месте Марс, Меркурий, Плутон. Это планеты – руины, все, что осталось от когда-то процветающих цивилизаций.

– Что произошло? Случились природные катаклизмы? Кто-то развязал самоуничтожающую войну?

– Нет, Алекс, все гораздо более трагично. Случилось нечто более глобальное – силы Света были изгнаны из этих систем, планеты попали под демоническое господство. Правду сказать – целью демонов было отнюдь не разрушение миров, а именно завладение ими, но миры, лишённые объединяющего принципа любви и сотворчества, стали рушиться. Принцип насилия и соперничества, основанного не на жизни, а на смерти, взаимная борьба, где побеждает сильнейший – вот то, что погубило эти системы, они опустели и демонические полчища оказались бесприютными. Они мечутся в мировом пространстве в поисках нового объекта для вторжения. Таким объектом теперь снова может стать Земля, – наставник замолчал.

– Разве миф о демонах не вымысел? – осторожно заметил Алекс.

– К великому сожалению – нет.

– В таком случае, как я понял, они уже вторгались на Землю?

– Да... К сожалению, да. Очень давно, в те времена, когда Земля представляла собой полурасплавленный шар, а другие слои мира исчислялись однозначными цифрами. Тогда создавались великие иерархии ангелов, господствовал принцип любви и дружбы. Не было закона смерти.

– Как? Разве для смерти существуют законы?! Я предполагал, что это – естественный путь каждого.

– Нет! Конечно, нет! Закон смерти... – Наставник не скрывал своего негодования. – Этот демонический закон смерти... ты знаешь его прекрасно, к тебе он был применен во всей своей полноте! Так вот, в те времена, о которых идет речь, не было закона смерти: каждый переходил из слоя в слой путем, свободным от страдания, при этом не исключалась возможность возвращения обратно. Ты же пришел в эти миры через посмертие. В этом вся суть закона.

Алекс чуть побледнел и отвернулся.

– Не было и закона возмездия, – продолжал наставник. – Совершенные ошибки исправлялись с помощью высших сил. Это была прекрасная заря, восходящая над Землей, которая еще была лишена органической жизни... Я не утомил тебя, Алекс?

– Нет. Прошу вас, продолжайте.

– Но произошло непредвиденное – некий дух, один из значимых, называемый людьми Люцифером, выражая присущую каждому свободу выбора, отступил в гордыни от своего Творца ради создания своей вселенной, по собственному замыслу.

– Он был один?

– Если бы! К нему примкнули другие и строить свою вселенную они начали в пределах этой, но их миры рушились.

– Отчего же? – недоумевал Алекс, живо представляя себе развернувшуюся трагедию.

– От того, Алекс, что восстав против Творца, они отвергли любовь – единственный объединяющий принцип созидания. Демонам ничего не оставалось, как только попытаться отвоёвывать часть миров в свое пользование. О, это была длительная и упорная борьба, в которой демоны захватили часть миров. Но до конца изгнать силы Света им не удалось. Я вообще уверен – все, кто примкнул к Люциферу, они временные его союзники.

– А я совсем в этом не уверен. Возможно, это понимание за пределами моих познаний.

– Да, тебе предстоит узнать очень многое, Алекс. Но каждый союзник Люцифера – его потенциальная жертва. Дело в том, что каждая демоническая особь, от самой малой до величайшей, мечтает стать владыкой вселенной. Посуди сам: у Бога всеобъемлющая любовь и неиссякаемое творчество слито в одно. Он отдает Себя и творит из Себя. Все живое, и человек в том числе, приближаются к Богу через три врожденных свойства: свободу, любовь, богосотворчество. Богосотворчество – цель, любовь – путь, свобода – условие. Демон же способен любить только себя с великой силой, его гордыня подсказывает ему, что именно он сильнее всех, и творит он только ради себя. Для демонов есть одна единственно верная формула жизни: есть Я и есть не Я; все не Я должно стать мною. Вот почему демон прежде всего – вампир и тиран.

Трагедия демонов состоит в том, что Господь творит все новые и новые миры, демоны же не способны сотворить ничего, соответствие сил непрерывно увеличивается не в их пользу. Их задача – захват и порабощение миров. Им удалось завладеть несколькими слоями и превратить их свои цитадели. Это миры возмездия. Да, Алекс, в одном из таких тебе «посчастливилось» побывать, когда ты был на пути к свету.

– Честно говоря, я испытал сильнейший, ни с чем несравнимый страх, когда встретился с ужасными существами во тьме.

– Нет-нет, Алекс, это были не ужасные существа, а мелкие демоны. Вот кто по-настоящему ужасен, так это Гагтунгр, сподвижник Люцефера, именно он изгнал силы Света из части миров и превратил их в неприступные цитадели. Именно ему удалось вмешаться в законы возникновения и развития жизни на Земле, создаваемые силами Света. Планетарные законы, к великому сожалению, были искажены, и отсюда двойственность того, что мы называем природой: красота, одухотворенность и дружелюбность с одной стороны, всеобщее взаимопожирание животных существ – с другой стороны. Неужели не очевидно, что светлая и темная стороны – реальны. – Наставник встал, чувства переполняли его, но ни один мускул не дрогнул на его лице. Алекс понимал – это спокойствие признак великой, хотя и скрытой силы: полнота, глубина чувств и мыслей наставника, не допускает бешеных порывов. Лишь рука наставника, вовсе не старческая, уверенно легла на рукоятку меча. – Пожалуй, пройдемся вдоль кромки цветочного леса, – спокойно продолжил наставник.

– С удовольствием! – откликнулся Алекс.

Тишайшая лесная музыка, как и прежде, наполняла воздух, но в ощущение счастья и безоблачности вкрались звуки тончайшей проникновенной грусти.

– Лес полон смысла и участия. – Наставник подставил лицо ветру, который немедленно удостоил вниманием его волосы.

– Да, я знаю это, Наставник, но на Земле бытует странное мнение. Я часто слышал от людей вокруг себя, когда случались неприятности, фразу «Бог наказал...»

– Это ложь! Кошунственно приписывать Создателю законы взаимопожирания, возмездия и смерти. Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. И, если мировые законы поражают своей жестокостью и, несмотря на это Земля, люди, природа живы, то только потому, что великий голос Бога возвышается против Великого Мучителя. В этом – весь закон борьбы за существование.

– Но тогда силы Света гораздо сильнее, а, значит, не вполне правомерно утверждать о захвате Земли или ее порабощении при нынешнем раскладе сил? Это невозможно! – выпалил Алекс и с облегчением вздохнул.

– Разумеется... Я вправе был ожидать этого вопроса. Но, повторюсь еще раз, Властелин Тьмы как никогда близок к захвату Земли. Суть в том, что он пытается создать дьяволочеловечество. Размножаясь быстро, как рыбы, они должны будут постепенно вытеснить людей и превратить поверхность Земли в свое обиталище.

– Нет, нет. Это невозможно... и абсурдно.

– Раньше – да. Но сейчас возможно все. Для осуществления своих, весьма коварных планов, Гагтунгру нужны лишь два условия: первое – наличие сийры, второе – абсолютная тирания.

– Сийра? – Алекс пожал плечами. – Что такое сийра?

– Сийра – это материальность, созданная силами Света, из нее состоит тело человека. Сийра бесценна – каждая ее частица одухотворена.

– Как интересно... Я не знал этого. А из чего состоит тело демонов?

– Каррох – демоническое тело, и состоит оно не из сийры, а из агги. Агга – мертвые неделимые материальные единицы, состоящие всего только из одиннадцати типов темных антиатомов, представляют собой бесчисленное множество их комбинаций. Совершенно бесспорно,

Алекс, что демоны могут рождаться только в демонических слоях, без сийры они не могут родиться в человечестве.

– Я понял, демоны имеют большое желание завладеть сийрой. Но почему они не сделали этого раньше?

– Видишь ли, Алекс, попытки, несомненно, предпринимались, но они были ложными. Демоны крали человеческие души, которые томились в заточении многие годы, но, к счастью, те были освобождены силами Света. – Наставник замолчал, углубившись в воспоминания, и Алекс понял, они волнуют и тревожат его сердце.

– Но что же сийра? – осторожно напомнил Алекс.

– Ах, да! Сийру невозможно украсть или купить. Темные силы могут заполучить ее, если только человек отдаст ее добровольно, но при одном условии – полном угасании его светлой воли.

Лес замолк, перестав петь, прислушиваясь.

– И?...

– Темный Властелин нашел этого человека... – Тихо вымолвил наставник. – Да Алекс, это случилось.

Алексу стало зябко, как будто откуда-то ворвался ледяной ветер.

– Вернемся к валуну, что-то холодно стало... – Алекс поддернул замок комбинезона к самому подбородку. – Зябко...

– Честно говоря, меня тоже окатило холодком, когда мне доложили о случившемся. Но я думаю, еще все поправимо. – Наставник привалился спиной к валуну и продолжил: – Второе условие для захвата Земли – это абсолютная тирания. Она уже существует, люди живут в ней и не ощущают ее. Люди сами создали главное условие для всемирной тирании – объединились.

– Я не вполне понимаю: что тут может быть плохого?

– Да, и в самом деле – что плохого? Люди, государства, церкви давным-давно стали объединяться в своем стремлении уничтожить войны, голод, болезни – возникли государственные громады. Религиозные конфессии объединились в своем стремлении к братству. Темпы, объединяющие все с головокружительной быстротой ускорялись. Вот тут-то Темный Властелин и задействовал свой план, хищный по своей природе и масштабно грандиозный. Темные силы терпеливо выжидали не одно столетие и момент настал – произошла ужасная подмена... Во главе сверхгосударства оказался ставленник темных сил, внедренный ими обманом, хитро-сплетением интриг и подлогом. Ставленник оказался великим честолюбцем. А наука и технические достижения послужили ему верой и правдой – они позволили полицейскому режиму контролировать сокровенные мысли каждого, проникли в мозг человека, установили совершенный контроль над поведением людей и над образом их мышления. Далекое ходить не надо, Алекс, взгляни на номер на своем комбинезоне, ты был один из тех, кого называли биороботами. Эти так называемые биороботы – большая часть населения. Видишь, Алекс, рабов на Земле – великое множество. Остальная часть населения даже не догадывается об этом, но по замыслу темных сил, именно эти благополучные и очень недогадливые люди должны стать источником дьяволического человечества. Что скажешь? Где границы этого кошмара? Для абсолютной тирании нужны еще два фактора – объединение всех и власть одного над всеми. Даже войну развязать будет не с кем для сокрушения тирании – подчинены будут все. Как тебе такая перспектива, Алекс?

– Да, но какой-то выход должен быть, правда? Это так, наставник?

Наставник встал на ноги, поднял голову и смотрел в небесную высь, заложив руки за спину.

– Алекс, завтра мы расстанемся с тобой, может случиться так, что на короткое время, а, может, и на века. Ты будешь посвящен в воины Света. Нельзя конечно определить заранее,

как долго будет длиться это испытание, но я с уверенностью могу сказать – ты пройдешь его с честью, – наставник сдержанно улыбнулся.

Алекс сделал жалкую попытку улыбнуться в ответ, но вмешавшаяся тревога загасила ее. Алекс уловил слабое движение души и уже не сомневался – судьба предприняла очередной вираж, не узнав его мнение на этот счет.

– Ну, что ж... Я готов... – сказал Алекс и подставил лицо свежему ветру.

– Завтра ты спустишься в нижние миры – обиталища демонов. Там сейчас находится человек, согласившийся отдать сийру. Он в самом верхнем из этих миров и он стремится к выходу. Демоны всех мастей поднимали его наверх из нижних слоев для осуществления сделки, по которой он должен отдать сийру и получить взамен нечто, обещанное демонами.

– Кто он?

– О нем не известно почти ничего, знаю лишь одно – он был заточен в мирах возмездия, он жестокий убийца и искусный воин. Ты должен остановить его, сделать все, чтобы сийра не попала в руки темных сил. Вот и все. А сейчас – отдых, остальное завтра.

Только сейчас Алекс заметил, что в стране великого отдыха есть дни и ночи. Смеркалось. Небо стало сине-зеленым, как морская вода, но темнота так и не наступила. На пути к шатру он любовался прекрасной растительностью, обилием родников и ручьев этой страны.

– Я оставлю тебя, отдыхай, – спокойно сказал наставник, отогнув полог шатра.

Сон Алекса был крепким и благодатным, а утро прекрасным.

– Пора! – это был голос наставника, бодрый и чистый. – Я знаю, ты полон сил и решимости, но поспешим – нам необходимо вернуться в башню.

Воздух снаружи был напоен радостью, лес пел, качаясь в золотом утреннем тумане, ручьи звенели.

– Иди за мной, просто не отставай, и ты быстро и сам научишься переходить из слоя в слой.

– Я иду, шаг в шаг! – откликнулся за спиной наставника Алекс.

– Правильно. Иди. Но сейчас ты упадешь.

От неожиданности Алекс оступился, внутри него что-то оборвалось, сердце бешено забилося, он зажмурил глаза, но уже в следующую секунду ощутил под ногами твердь – он стоял в белом зале башни, где впервые увидел наставника.

– Да, Алекс, именно из этого зала уходят светлые люди, а возвращаются воинами Света. И ты из этого зала начнешь свой путь к совершенству. Путь твой будет ничем не ограничен – ты абсолютно свободен. Но свобода потому и свобода, что она включает возможность разных выборов. С этой минуты любой импульс твоей воли должен служить добру и любви, а значит – Богу. Чем выше будет твое Я, тем полнее твоя воля совпадает с творческой волей Господней. Ты будешь не один, все Светлые Миры неотступно будут сопереживать с тобой, а напоминанием Господа о себе для тебя будет радуга. Я лишь указал тебе путь, но врата темных миров ты откроешь сам.

– Темные миры... – задумчиво произнес Алекс. – Я был в одном из них всего ничего, там была непроглядная и непролазная тьма. Это свойство всех нижних миров?

– Темные миры темны по своей сути, по содержанию, там действительно нет белого света, а, соответственно, и цветов радуги. Но ведь и в радуге нет серого, коричневого, черного цветов.

– Наставник, я давно хотел спросить...

– О чем? Спрашивай.

– А отчего на рукоятках и ножнах мечей, принадлежащих воинам Света – белые, зеленые, синие камни? Это дань моде, традиция или здесь сокрыт тайный смысл?

– Все предельно просто, – наставник добродушно рассмеялся, – голубой цвет означает высшую духовность человека, зеленый – силу природы, белый – просветленные миры без тьмы и зла. Ты, несомненно, будешь посвящен в воины Света. И, когда это произойдет, твой меч

засияет этими камнями, как и мой, и останется с тобой на все времена. Именно этот меч будет твоей визитной карточкой во всех мирах, куда бы тебя ни занесла жизнь. – Наставник вздохнул так, как если бы тяжелый груз тяготил его плечи, и продолжил: – Следуй за мной, Алекс, сейчас ты войдешь в одну из этих дверей, и перед тобой предстанут врата, открывающие путь в темные миры.

– Неужели, прямо сейчас?

– Да, мой друг, и вот тебе моя рука, рука друга.

Алекс сжал руку наставника, руку сильную и мужественную, но теплую и благородную.

Мужчина поднял глаза и увидел то, что оказалось для него открытием – перед ним стоял лишь человек, старик, отбросивший все ранги в сторону, который расстается с другом и более того – Алекс почувствовал, что дорог ему, как сын. Умные глаза старика блестели, он крепко обнял Алекса за плечи.

– Обещай мне, что возвращение твое будет скорым. Слышишь, я буду ждать, – глухо произнес старик, нахмутив брови. – Да, чуть не забыл! – Старик осанисто развернул плечи. – Вот тебе меч... – Чувствовалось, в нем заговорил воин. – Пусть меч не так красив, как мой, но хорош. Он не подведет тебя. Ступай с Богом!

Алекс тронул дверь, она зазвучала флейтой. Делая шаг, он бегло обернулся на прощание. Старец все еще стоял, склонив голову в глубокой задумчивости.

Врата в темные миры

Скольжение в пространстве на этот раз сопровождалось головокружением и несколько затянулось. Наконец Алекс рухнул на твердую поверхность, едва удерживая равновесие, присел, но быстро поднялся. Рука его не выпускала рукоятку меча. Серая пыль, похожая на пепел, хлопьями оседала вниз, занимая пределы видимости. Возможно, это он растревожил ее своим появлением. Пыль улеглась, и взору Алекса предстала гнетущая картина: низкое серое небо неподвижно висело над его головой, и Алекс явственно чувствовал его холодное дыхание; на мутном небе, словно нарисованном широкими мазками грубой кистью, не было видно ни светила, ни звезд. Тусклый серый свет, напоминающий туман, клубился, извиваясь вокруг морщинистых коричневых скал, которые хищно упирались в небо, а начинались где-то на дне черных мрачных и таинственных пропастей. Безликость и бесцветность ландшафта разбавляли лишь чахлая бурая трава и низкорослые растения, напоминающие кустарники. Всматриваясь в нудное вязкое пространство, Алекс неожиданно для себя начинал видеть зловещие причудливые образы, сотканые из клубов серого и черного туманов. Эти образы растворялись и появлялись вновь. Картину обезбоженного мира еще более омрачали огромные врата, тянувшиеся от края до края. Как и скалы, они упирались в мрачный небосвод. Изъеденные ржавчиной, густо покрытые пылью врата довершали картину черной безысходности. Алекс шел вдоль врат, не имея никакой возможности открыть их, но в надежде найти хоть малую зацепку для осуществления этой цели. Ступал он бесшумно и осторожно, осматриваясь по сторонам, и меч его был наготове. Он шел наугад, не имея никаких ориентиров и возможности понять, что делать дальше. Где-то вдалеке сверкнул яркий свет, словно горящая стрела рассекала туман. «Этого не может быть! Показалось. Здесь в принципе не может быть белого света...» – думал Алекс, всматриваясь и продолжая идти. Но свет не угас, а наоборот – быстро разрастался и приближался, и вскоре стало совершенно ясно – это человек в ореоле света идет навстречу Алексу.

– Кто ты? Стой там, где стоишь! – Серый туман, нехотя заколыхался от крика Алекса.

– Я стражник, – ответил идущий и голос его гулко отозвался в молчаливых ущельях.

– Стой! Какой еще стражник?

Но стражник и не думал останавливаться, и вскоре Алекс без труда мог разглядеть его. Стражник был хорошо сложен, высок и черноволос: лицо его было смуглым, большие миндалевидные глаза выражали радушие. На первый взгляд ему было не более двадцати пяти лет.

– Сам удивляюсь своей способности. Я всегда появляюсь вовремя... В нужном месте, в нужное время, – сказал стражник и удостоил Алекса непродолжительным, но пронизательным взглядом. – Я – стражник Света. Нас тут много. Мы предотвращаем проникновение темных сил на территорию света, а в остальном наша жизнь довольно прозаическая.

Резкий, пугающий звук падающих камней рассыпался громовым эхом среди мрачных скал. Алекс выхватил меч, сердце его бешено забило. Меч стражника был наготове, он развернулся на звук, словно ветер, и Алекс заметил в нем разительные перемены. Глаза стражника сузились и сверкнули холодной сталью из-под опущенных ресниц, резкие морщины прорезали лицо, губы исказила жесткая линия, пук черных волос, туго затянутых сзади, взметнулся веером и тяжело упал на плечи. Казалось, энергия, скрытая в его крепком теле, вот-вот взорвется. Но в это мгновение на скалах предупредительно засверкали вспышками полоски света.

– Все спокойно, наши на месте, это всего лишь камни срываются вниз, – тихо вымолвил стражник, и непроницаемое спокойствие возвратилось к нему.

Происшествие оставило у Алекса довольно глубокое впечатление. Он предельно ясно ощутил, что мгновения опасности не вызвали в нем приступа страха, наоборот – кровь горячей волной хлынула по сосудам, нервы напряглись, воля собралась в кулак, мысли приобрели

быстроту и расчетливость, а он – готовность принять бой. Это прибавило ему уверенности, он был готов поверить, что справиться с заданием.

– Мне поручено открыть эти врата, понимаешь, и проникнуть туда, – Алекс кивнул головой в сторону врат, – но я не знаю, как осуществить это. Я довольно далеко прошел вдоль них, но не одной зацепки.

– Врата открыты!

– Что?

– Да, ты не ослышался. Врата открыты давным-давно.

– Но это невозможно!

– Да, это было невозможно до некоторых пор, но Спаситель открыл их. В те далекие времена, когда это свершилось, борьба за человечество между темными и светлыми силами обострилась до предела. Планетарный Логос, после очеловечивания в Иисусе Христе, предпринял попытку искоренить на земле демоническое влияние – уничтожить насилие, борьбу за существование, упразднить закон кармы, преодолеть закон смерти, заменив материальным преображением. Но, как это ни прискорбно, он был предан и принял человеческую смерть на кресте. Миссия его не была завершена, он не должен был умирать никакой смертью! А после выполнения своей миссии он совершил бы переход в высшие миры на глазах у всех, и все преображенное светлое человечество, освободившись от зла, последовало бы за ним. Но он не сдался, он продолжал бороться, и после смерти для него оказалась возможной трансформация иного рода – воскрешение. А между двумя этими событиями совершилось нисхождение его в миры возмездия и раскрытия вечно замкнутых врат этих миров, что дало Иисусу имя Спасителя. Он прошел сквозь все слои демонических миров. Все запоры были сорваны, страдальцы были подняты – одни в миры просветления, другие в верхние слои возмездия, начавшие преобразовываться из вечных страдалищ во временные чистилища. Многие спаслись тогда и увидели свет! – Лицо стражника сияло от восторга так, как если бы он сам совершил эти подвиги.

– Так, значит, борьба за человечество ведется давно... – задумчиво промолвил Алекс.

– Да, Алекс, и в этой борьбе подлость, низость, обман, предательство – всего лишь мелкие приемы темных сил. Не дай себя запугать, заморочить и еще... помни: зло может быть привлекательно.

Они шли вдоль врат, беседуя, стражник привычно улавливал каждый звук, каждое движение теней, но вспышки белого света на скалах неизменно радовали его.

– Не спи, Алекс.

– Я и не сплю и не собираюсь, – растеряно произнес Алекс.

– Я не в том смысле, что не отдыхай, не спи вообще. Просто знай – там, куда ты держишь путь, требуется особая, высшая ясность сознания. В противном случае восприятие действительности будет искажено и блуждания твои бесконечны.

– Я и не расположен навсегда испортить свою будущность в здешних мирах, – с долей грусти пошутил Алекс, бросив недоверчивый взгляд в сторону врат. – А как они все же открываются?

– Да просто подойди и толкни.

– Вы уверены? – недоумевал Алекс, глядя на фантастическую угрюмую громаду.

– Все именно так. Ну же... Ты сам должен открыть их, они подчиняются лишь тому, кто желает войти.

Алекс оглянулся по сторонам, как бы ища свидетелей происходящего, но хищные черные вершины, никогда не выдавшее света, по-прежнему упирались в небо, и почувствовал лишь отчуждение и холод. Но воспоминания о стране вечного отдыха, внезапно всплывшие на поверхность из глубин его памяти, заставили его улыбнуться.

– Ну, так я пошел! – весело воскликнул Алекс, шагнул вперед и плечом толкнул врата.

Раздался сухой треск и хлопок, похожий на взрыв, оглушивший его, навалилась давящая тишина, и все, что казалось монолитным, приобрело зыбкость и прозрачность. Взвесь из пепла, бурой земли, пожухлой травы и обломков кустарника взметнулась ввысь, и с каждым мгновением наращивала свою плотность, пока не дошла до абсолютной непроницаемости. Жесткие струи этого потока приобрели качества чудовищной воронки, подхватив тело Алекса, как нечто невесомое, заставив вытянуться в струну. Благо, что воронка играла им не долго – раздалась вширь и бесцеремонно выбросила его из себя наружу. Удар от приземления всыпал свою долю перца в его ощущения. Неожиданно появился утерянный слух, добавив жути. Мгла бесновалась, гудела, рычала и ее дикие вопли были заунывны. Огромные валуны кололись, как сахар и жадно поглощались ущельями, не производя шума от падения, по видимости – из-за отсутствия дна. Желтые молнии резали неподвижное серое небо. Врата издали страшный скрежет, створки их тяжело двигались в разные стороны, обнажая густую тьму и наконец образовали в себе щель, пригодную лишь для проникновения человека. Черная мистерия прекратилась в одно мгновение.

– Правда «милое местечко»? – вымолвил стражник, указывая на тьму, ползущую из щели врат.

– Что это было? – спросил Алекс, чувствуя стук собственного сердца у самого горла, явно обескураженный происходящим.

– Да так, пустяки, – стражник небрежно махнул рукой. – Не бери в голову.

Такое объяснение внесло еще большее смятение в душу Алекса.

– Ты, как я успел заметить, не на шутку разволновался и жадно требуешь объяснений. Познавать мир – это интересно, захватывает, возникает постоянное стремление знать больше и больше, – стражник подкупающе улыбнулся и продолжал: – Ты приоткрыл врата, и совсем незначительная порция темных стихий вырвалась сюда вон из того «приветливого» мирка – их обиталища. В очень давние времена они были поработены Темным Властелином и служат ему. Многие из этих стихий совсем бездуховны и не имеют смысла, – стражник на мгновение задумался. – Вот, например – магмы, до живых существ им нет никакого дела, они их просто не воспринимают. Во время вулканических извержений, землетрясений, они вырываются из подземных глубин на поверхность земли, неся всему живому только гибель. Но это лишь почти случайный результат их деятельности. Дикий разгул этих стихий, не знающий никакого контроля – ужасен. Разгул, сила и безнаказанность явно доставляют ему удовольствие.

– Вероятно, все поработенные стихи грубы, жестоки, буйны и столь же бессмысленны, – поспешил заметить Алекс с видом хорошо усвоенного урока.

– О, нет, – стражник покачал головой. – Многие темные стихии коварны, даже хитры.

– Не может быть! – Алекс недоверчиво взглянул в глаза стражника, желая распознать в них шутку, но убедился – такие глаза говорят правду. – Я надеюсь, существуют способы распознать их, вскрыть их замысел и предотвратить их коварство?

– К сожалению – нет. Эти стихии безлики, живое существо не распознает их, не почует. Они умеют проникать в душу человека, они манят и зовут в гиблые места – трясины болот, непроходимые заросли, пропасти, пески... И живое существо погибает, часто не оставив о себе ни малейшего следа.

– Но существуют же симптомы, предвестники нападения темных стихий?

– Страх.

– Ну, конечно! Я обязан был и сам догадаться.

– Нет-нет, не просто страх, а безотчетный страх, некое волнение, неизъяснимое предчувствие. Например, внезапное непреодолимое отвращение к паукам, змеям... Человек в панике бежит, желая уйти, спрятаться. Его воля расслаблена, он подавлен, теряет ощущение реальности и вот он в ловушке, а за этим следует гибель... как тебе такое коварство Алекса?

– О, да, мило – ничего не скажешь! Вы меня очень успокоили. Возможно, жертвами темных стихий на Земле становятся многие тысячи, и это ужасно.

– Таков закон Гагтунгра – превращение всех в жертвы. Но светлые силы не бездействуют, они трудятся над преобразованием темных стихий и отчасти превращают их во благо. Светлые стихии упорно противостоят темным. Вспомни живое журчание рек, ветер, целующий землю, ласкающий траву, цветы. Человек светлым стихиям уж совсем не безразличен: их отношение к каждому из нас определяется отношением каждого к Природе. О, если б люди понимали это их свойство и отнеслись бы к ним, проявив хотя бы доброту и внимание, какой дивной любовью, весельем и радостью ответили бы они им! И еще, во главе светлых стихий стоит Великая Мать всех стихий. Она любит, слышит и понимает всех – каждого зверя, птицу, человека, дерево, траву, каждую волну рек, озер, морей. Не оскудевает ее добро и любовь. И скорбит она и тоскует о падших, о темных, злых, но прощает всех и любит всех.

– Но, возможно, существует способ справиться с темными стихиями?

– Да, существует. Он очень прост и труден одновременно. Но все, кто находятся в высших слоях, давно преодолели этот путь. Необходимо лишь открыть свое сердце и с радостью принять в него тот свет, те неизмеримые благодати, то тепло, что дает Природа и быть всего лишь благодарным ей за все. Вот и все!

– И темные стихии будут уничтожены?

– Нет же. Ты ничего не понял, они преобразуются в светлые.

– А!

– А пока в темных мирах тебя будут встречать только темные стихии. Я предупредил тебя и, возможно, спас.

– Спасибо. Однако мне нужно идти, проникнуть в открывшуюся темную щель, предотвратить наглый грабеж сийры... в общем – спасти человечество и вернуться, – бодро, с иронией но и с долей грусти в голосе сказал Алекс.

– Только и всего? – подхватил иронию стражник. – А если серьезно – удачи тебе, Алекс! Кстати, меня зовут Ратмир.

Они снова стояли у самой кромки тьмы, ползущей из образовавшейся дыры, откуда доносились голоса, шепот, непонятные шорохи и звуки, которые сильно возбуждали воображение Алекса. Ратмир и Алекс пожали друг другу руки.

– Все к лучшему! – сказал Алекс и шагнул во тьму.

Тоска великой покинутости

Пройдя несколько шагов, Алекс остановился, давая себе возможность осмотреться. Он затаил дыхание, в сердце его предательски заползла тревога и не желала убраться вон. Вокруг царствовал сумрак, граничащий с ночью, все было призрачно и тихо, как в ветхом, давно заброшенном подвале. Почва слабо фосфоресцировала у него под ногами, создавая впечатление зыбкости и ненадежности. Грубые мелкие растения излучали тусклый, мутный неоновый свет, который медленно перетекал внутри них при малейшем движении. Багровые капли, чем-то отдаленно напоминающие земные ягоды, редкими пятнами покрывали растения и почву. Благодаря светящимся скалам, ландшафт не лишен был своеобразной мрачной красоты. Этот свет отдаленно напоминал фиолетовый.

«Да, – думал, Алекс, – хорошего здесь ожидать не приходится. Кругом сплошная тоска дремучая».

Он кожей ощущал, что каждый миг пребывания здесь – опасен, и нечто зловещее возможно вот-вот ворвется в его жизнь. Здесь не было ни каких-либо сооружений, ни человеческих толп, однако Алекс ощущал невидимое присутствие множества других. Вокруг него происходило нечто, что наполняло атмосферу движением, кто-то заставлял шуршать и гнуться траву, на почве появлялись неясные отпечатки и очертания. Все это выдавало присутствие многих. Алекс слышал неясные голоса, вздохи, тихий плач, причитания. Шуршание на почве в нескольких шагах от себя привело его в смятение, он крепко сжал рукоятку меча и был наготове. Кто-то невидимый шел прямо на него. Еще мгновение, и перед лицом Алекса кто-то вздохнул и женский голос горестно произнес:

– Доченька моя, если ты слышишь, прости меня, милая, любимая, я так скучаю по тебе... Я была холодна и жестока, ничего не хотела видеть и понимать!

Алекс отскочил в сторону, он понял, что шедшая на него, невидимая, женщина не воспринимает его совсем и уверена в своем полном одиночестве. Сам не понимая, отчего Алекс последовал за ней, а женщина продолжала:

– Я молилась о прощении, звала на помощь, искала выход, но здесь никого нет, только я... – Женщина остановилась и, по всей видимости, села на скудную траву, которая зашелестела и примялась. – Доченька, ты была скромна, а я думала, что ты скрытна и полна лукавства. Ты любила весь мир, а я ненавидела его. Простите меня птицы, звери – я не замечала вас, простите деревья, я бездумно ломала ваши ветви.

Алекс не услышал, скорее, почувствовал, что женщина беззвучно плачет, тоска великой покинутости охватила ее, она была предоставлена общению только с собственной душой. Алекс понял, что каждый, попадающий сюда, открывает смысл совершенного им на Земле зла и выпивает до дна чашу ужаса перед своими темными делами. Здесь ничего не отвлекает несчастного от бесконечного диалога с самим собой, пока совесть его не очистится и он не поднимется в миры просветления. Алекс покинул женщину и интуитивно устремился к свету, излучаемому скалами. Он шел к скалам и не представлял, как в этом необъятном темном мире он найдет одного единственного человека, который отдал свою сияющую демонам. «Нет, еще не отдал, – подумал Алекс. – И не отдаст, я не позволю! Но как я найду его, как узнаю?»

Неопределенность и неизвестность томили его, изматывали душу. Не прекращающиеся тихие звуки и голоса сбивали его с толку. Вскоре он устал воспринимать их, и звуки для него слились в монотонный гул. Почва под ногами становилась все тверже, все чаще встречались россыпи больших острых камней, а ноги Алекса проваливались в глубокие рытвины. Темно лиловый свет, отбрасываемый скалами, оставлял блики на огромных валунах и исчезал в глубоких оврагах. Он шел очень долго, зрение его потеряло остроту восприятия, он перестал различать особенности ландшафта, даже скалы казались похожими одна на другую. Несколько

раз Алекс ощущал на себе чьи-то пристальные взгляды, слышал за спиной шаги, но, оглядываясь во мрак, никого не замечал. В конце концов усталость тела победила в нем тревогу и бдительность. Странная необъяснимая расслабленность охватила его. Он сел на землю, прильнув к скале, прикрыл глаза, откинул голову и внутренне хохотал, и этот беззвучный хохот был страшен. Но его слух уловил быстрые, неровные, но легкие шаги. Он молниеносно вскочил и обнажил меч.

– А-а! – коротко и глухо воскликнул он – лезвие вражеского клинка рассекло ему плечо левой руки. Сильная рука противника оттолкнула с дороги, но Алекс успел заметить, как тонкая, гибкая фигура, словно дикая кошка, нырнула в овраг и растворилась во тьме.

Лицо врага лишь на мгновение возникло перед взором Алекса. Этого мгновения было достаточно, чтобы это лицо поразило его своей мертвенной бледностью и отсутствием жизни. Оно не было искажено злобой или ненавистью, во взгляде этого человека не было ничего – только холод и отчуждение. «Да это же он!» – подумал Алекс, и досада медленно, ядовитой змеей заползла в его сердце, и воля его молчала. Но боль в руке дала о себе знать и вывела Алекса из оцепенения. Не выпуская меча, он попытался зажать рану рукой, но кровь быстро наполняла рукав комбинезона и капала на землю. Знакомый Алексу запах крови заполнил собой воздух.

Как под гипнозом, не понимая, зачем он это делает, мужчина следил за падающими каплями, а, когда ему удалось оторвать от них взгляд, немало удивился и насторожился – два красных глаза пожирали его взглядом. Они принадлежали существу небольшого роста, в черной накидке до земли, с капюшоном, надвинутым на лицо.

– Кто ты? – спросил Алекс.

Незнакомец смолчал. На яркой полосе света, пересекающей тьму, возникло еще одно такое же существо, и уже две пары красных глаз неподвижно и напряжено смотрели на Алекса, вернее – на раненую его руку, что показалось ему удивительным и вызвало самое неприятное впечатление. Не делая резких движений, Алекс непринужденно огляделся и заметил, что еще несколько пар красных зловещих глаз, окружив со всех сторон, смотрят на него. Существа были неподвижны, напряжены, они словно ожидали чего-то. Когда зловещее молчаливое напряжение достигло своего пика, сущность, – та, что стояла в полосе лилового света, присела и с необычайной быстротой и мощью прыгнула на Алекса и едва не опрокинула его. Она уперлась о колени Алекса когтистыми ногами и жадно обхватила его раненую руку обеими своими когтистыми руками. Тело существа оказалось очень тяжелым и твердым. Алекс отчаянно пытался сбросить его. Но существо издало чмокающий звук и на том месте, где вероятнее всего должен быть рот, разомкнулось круглое отверстие, красно-желтое и светящееся, как раскаленные угли. В середине этого отверстия лежал свернутый в трубочку, мерцающий пламенем язык. Алекс с ужасом смотрел в этот рот, не отрывая взгляда. Глаза существа широко открылись, оно вздрогнуло и свернутый язык, развернувшись, выскочил изо рта, как хлыст, и стегнул рану на руке Алекса.

– А-а-а! – глухо застонал он от жгучей боли.

Язык существа оказался горячим, как раскаленный железный прут. Существо зачерпнуло языком порцию крови, зажмурило глаза, и Алекс понял, что оно испытало невероятное наслаждение. Алекс не испытывал ни малейшего желания получить такой удар еще раз. И в припадке неистовой ярости он мощно ударил недруга в грудь мечом. Существо отвалилось от него, как насосавшаяся пиявка и, скуля, отползло в сторону.

Меч Алекса лишь поверхностно скользнул по телу существа, оно оказалось плотным как слежавшаяся, мокрая глина. Существо быстро успокоилось и, казалось, не испытывало боли; оно слизнуло большую блестящую каплю жидкости, похожую на разогретую черную смолу, вытекшую оттуда, где, предположительно, была рана, нанесенная мечом Алекса, и нетерпеливо закопошилось, жадно вдыхая в себя воздух, наполненный запахом крови. Алекс слышал тре-

вожное биение своего сердца, но мысли были спокойны и пальцы до боли сжимали рукоятку меча. Царившая до этого момента неопределенность рухнула в один миг – все вокруг завертелось. Твари, ранее безмолвно стоящие, издавая чавкающие звуки, с раскрытыми круглыми ртами в бешенстве бросились на Алекса. Еще никогда Алекс не работал мечом так быстро и уверенно, сейчас он был благодарен наставнику роботов за выучку, полученную им еще там, на Земле. Твари, скуля, зализывали свои раны, извиваясь на острых камнях, подобно большим черным гусеницам. Но несколько существ все же завладели ситуацией и одновременно повисли на теле Алекса спереди и сзади, в едином порыве рвя когтями его комбинезон, сминая друг друга, рыча и чавкая, с широко открытыми ртами и мутными глазами. Они стремились языками к ране на его руке с единой целью – добыть кровь и причинить боль. Некоторым это удавалось, но, получив каплю крови, они встречали ответный удар и падали вниз, оставляя на камнях дорожки черной блестящей жидкости. Невероятнее всего было то, что, зализав раны, существа исцелялись и с ненасытной жадностью вновь одолевали свою жертву. В боевом запале Алекс, казалось, не ощущал ни боли, ни усталости, хотя дыхание его стало тяжелее и пару раз его меч не достиг цели, но воля его была тверда, он продолжал бороться. Битва полностью захватила его внимание. Количество врагов возрастало, и они стремились опрокинуть его навзничь тяжестью своих тел. Тело Алекса ныло под непомерным грузом, но он отчаянно сопротивлялся... Отвлекаемый многими, Алекс не заметил, как одна из тварей вскарабкалась на высокий валун позади него, сгруппировала свое тело, превратив его в увесистый снаряд, и прыгнула ему на плечи. Ноги Алекса подкосились, и он рухнул на землю, в его голове монотонно зашумело. «Все.

Это конец... Я не дошел», – неоправданно спокойно и лениво проползла мысль в его голове. Свет, и без того мерцающий и тусклый, стал сужаться в поле его зрения, быстро превратился в святающуюся белую точку, чем очень удивил Алекса и погас. Существам в черных мантиях не понадобилось даже намек на приглашение, чтобы наброситься на обездвиженное его тело. Здесь господствовал принцип «кто успел, тот и съел» в самом прямом его смысле. Твари без всякого стеснения лезли по телам и головам друг друга, с необычайной легкостью отшвыривая соперников на своем пути, в порыве достичь раны на руке Алекса и получить каплю его крови. Но вскоре они по достоинству оценили вкус пиршества – оно стало доставлять удовольствие, покатило злорадное веселье. Каждая «черная мантия» поочередно взбиралась на грудь Алекса, как на помост, и вытворяла там чудеса акробатики, сверкая красными глазами и распушенным раскаленным языком. Твари соревновались: скручивались в клубок, выполняли сальто с переворотом, скакалки кружились... вознаграждение – капля крови. За кружением черных существ не было видно лица Алекса, оно лишь изредка мелькало меж темных мантий, и было похоже на обрывок белого полотна, на котором небрежный художник черным грифелем вывел резкими линиями брови, глаза, нос и приоткрытый рот.

Шаман

Сильный, продолжительный, охватывающий своей вибрацией атмосферу звук, не свойственный этому миру и скорее похожий на тот, что издает гигантский барабан при ударе в него, неожиданно прекратил весь этот хаос. Черные твари окаменели в немой сцене. В их широко раскрытых глазах читался ничем не прикрытый ужас. Еще мгновение, и они в панике, толкаясь и топчась друг друга, спешили скрыться во тьме ближайшего оврага. Грудь Алекса освободилась от тяжелых тел, и он, сделав несколько глубоких вдохов, открыл глаза. Две, не желающие расставаться с добычей твари, скрутившись на земле в клубок, с хищной жадностью смотрели в его сторону. Алекс наблюдал за ними, но подняться не мог, лишь, защищаясь, занес над собой руку, сжимающую меч.

Звук, заставивший тварей в панике бежать, мгновение назад повторился совсем близко, и эхо высоко в скалах подхватило его. Не желавшие покинуть пир твари мгновенно скрылись в темноте. Этот звук обеспокоил и Алекса. Усилием воли он заставил себя приподняться. Ему все еще не хватало воздуха, в голове по-прежнему однообразно гудело, он был ранен и одинок. Из темноты в полосу света, словно призрак, плавно вошел человек с большим бубном в руке.

– Однако ты выглядишь лучше, чем я предполагал... Я спешил к тебе, боялся опоздать... Я успел! – сощурился и без того узкие глаза, открыто, не скрывая удовольствия, белозубо улыбнулся человек.

– Кто ты? – одними губами спросил Алекс.

– Шаман, однако, – ответил незнакомец, пристально и озабочено окинув взглядом рану на руке Алекса. – Не бойся, я шаман, я друг, я буду лечить...

Человек был низкого роста, коренастый и расплывчатый. Жидкие волосы – смесь черных и седых – покрывали его голову, такого же неопределенного цвета были его тоненькие висящие усики. Хитрость и ум одновременно уживались в его взгляде. Движения его были энергичны, но несколько суетливы. Видавшая виды кухлянка, по всей видимости, купленная когда-то задорого, добротная и обшитая бисером, сейчас не сходилась на нем, она была увешана кожаными мешочками, перевязанными шнурками. Тут же, привязанные к поясу, висели деревянные коробочки и баночки. Довершал картину огромный бубен, чуть не в половину роста своего хозяина.

– Кто это были и почему ушли? – хрипло спросил Алекс, кивая головой в сторону оврага.

– Это демоны-стражники, они охраняли того, кто ранил тебя, – ответил шаман и неожиданно резво и умело принялся развязывать узелки на мешочках и баночках. – Враг твой, однако, шел к выходу, хотел демонам сийаю отдать, тут все об этом знают. Рана твоя, однако, совсем плохая, демоны порвали мышцы и ожог, однако, мне не нравится. Он тебя первым увидел, твой 232-ой вон, как светится, ты мишень, однако, а он – воин.

– По-моему, он просто трус. Наверняка убить меня хотел, но рука у него неверная, промахнулся он, – Алекс болезненно посмотрел на свое плечо. – Метил в сердце, а поранил руку. А мне говорили, что он искусный, хладнокровный воин.

– Мудрый человек тебя предупредил, однако. А враг твой точно – искусный воин, но плохой, злой, однако. Он хотел убить тебя жестоко, сделал гаввах и ушел. Я услышал тебя и успел, если бы не успел, пришел бы, а ты мертв уже.

– Ты можешь объяснить поподробнее, пожалуйста? Я ничего не понял, – что такое гаввах? Второй раз слышу об этом.

– Надо успокоить твою боль, однако, не стоит приманивать демонов... – Шаман достал из мешочка какое-то сухое растение и некоторое время перетирал его пальцами, тихо шептал, выдерживая при этом определенный тональный ритм, его голос то возвышался, то убывал. Глаза шамана были прикрыты, тело его покачивалось в определенном ритме. Алекс отстра-

ненно наблюдал за происходящим, наконец шаман открыл глаза и бросил шепотку растертой травы в рану на руке Алекса. Рану загло с новой силой, Алекс затаил дыхание, терпеливо ожидая результата. Конечно, его терзали сомнения – вправе ли он доверять этому человеку, но выбора у него попросту не было. Вскоре боль в руке исчезла, ясность ума и покинувшие было силы медленно, но ощутимо возвращались.

– Пахнет кровью, однако, посмотри, что у меня есть. Ни у кого нет, а у меня есть! – шаман осторожно с любовью открыл маленькую деревянную баночку.

Зеленая, как болотная тина, противная на вид мазь покрывало ее дно.

– Это дорогая, хорошая мазь, – с трепетом в голосе заметил шаман. – Сейчас намажу, все заживет, как на собаке, и никакого запаха. Ни какого гаввах! – Шаман зачерпнул пальцами мазь, соединил края раны и нанес ее. – Перевязать, однако, надо. Но чем? – шаман покрутил головой, явно чего-то высматривая. – Твой рукав... твой рукав – хорошая повязка, демоны разодрали его, и висит он на волоске. – Шаман дернул рукав и тот легко поддался. – Ты только посмотри, однако, рукав чистый и сухой, демоны вылизали кровь до капли, они голодные... Это совсем плохо... Теперь ты должен сказать спасибо, шаман отнял у демонов гаввах.

Глаза Алекса ожили, в них чувствовалось любопытство и интерес к жизни.

– И все же расскажи мне о здешних нравах подробнее. Да, и спасибо! Рука совсем не болит. Так какой гаввах ты отнял у демонов?

– Твой враг ранил тебя, ты получил боль, кровь, страдания. Я почувствовал твою боль далеко отсюда, я шаман, однако, я умею. Демоны тоже умеют. Всякое страдание любого существа, всякая его боль дают излучение, и неважно где – и здесь, и на Земле, и в мирах возмездия. Всякое чувство, однако, всякое волнение души дает излучение. Вот видишь – красная роса на земле и на растениях, красиво, однако, как лесные ягоды... Это и есть излучения людей – излучения злобы, ненависти, алчности... Демоны питаются ими, но этого им мало, – шаман судорожно хихикал и озирался по сторонам. – Не вставай, тебе нужно отдохнуть. Мазь действует сильно, однако ты, возможно, потеряешь сознание или перестанешь управлять собой, чего, однако, хуже.

– О, это меня очень успокоило, – с иронией улыбнулся Алекс. – Пока я не отключился, познакомимся. Меня зовут Алекс, – он протянул руку для рукопожатия.

Шаман обеими руками, с легким поклоном потряс его руку.

– Я шаман, однако. Имя мое называть нельзя, даже тебе. Я твой друг, однако не обижайся. Обида плохой советчик, сильно человека разрушает. Отдыхай и слушай меня.

– Враг мой ушел, мне нужно найти его, – с беспокойством и нетерпением сказал Алекс.

– Найдешь, он ушел вниз, но не сейчас... Он не спешит, он думает, что ты уже мертв, однако.

– Но каким образом он может думать, что я мертв, если он всего лишь ранил мне плечо.

– О, ты не знаешь! Он сделал гаввах и если бы я не успел, демоны разорвали бы тебя, как хищные пираньи. Излучения страдания и боли называются гаввахом и являются пищей демонов. Гаввах способен насытить многих, очень много демонов. Самое вкусное, желаемое блюдо на их пиру – тот гаввах, который получается при истечении физической крови и при физической боли людей или животных. В эти минуты выделяются самые жгучие излучения, особой силы, от которых демоны, однако, становятся демонами. Я уверяю тебя, чтобы получить этот гаввах еще и еще, они пустят в ход всю свою изощренную жестокость и фантазию мучителей.

Алексу стало не по себе – может быть, от действия целительной мази, а, может, от той жуткой развязки, что ожидала его.

– Так вот какой была бы моя участь! Я полагал, что враг мой плохой воин и рука его не точна. А он уготовил мне жуткую смерть, отдав меня любителям гаввахов! Шаман, я обещаю тебе, я найду его, он не отдаст свою сийру демонам. – Алекс встал, кровь его кипела и требовала решительных действий. Несомненно – он получил хороший жизненный урок –

познал коварство зла и оценил добро. Но какой ценой! – Нам надо спешить, – в полголоса сказал Алекс. – Мне необходима помощь, и я прошу: пусть мой путь станет и твоим. Поделим невзгоды пополам. Что скажешь, шаман?

Шаман вздохнул глубоко и грустно, опустил глаза и не поднимал их.

– Я был в мирах возмездия и поднимался в миры просветления. Поверь, однако, для меня было бы честью разделить твой путь, но эти... они не позволят, – шаман исподлобья бросил взгляд в сторону скал. – Они давно там, они терпеливо ждут меня.

– Кто? – недоумевал Алекс.

– Блюстители кармы, – холодно ответил шаман.

Огромные существа, утопая в фиолетовом свете, стояли на фоне мрачной красоты скал. Атмосфера в неясном ожидании чего-то наполнилась таинственной тишиной. Существа были серы и полупрозрачны, как мутное стекло, тела мозаичны и прямоугольны. Их морды имели сходство с мордами сторожевых собак: те же торчащие уши и холодные, неумолимые, зорко наблюдающие глаза.

– Зачем они здесь?

– Бубен. Мой бубен... я ударил в него, однако, чтобы спасти тебя. Теперь меня ждет неминуемый спуск в нижние слои чистилищ, – обреченно вздохнул шаман.

– Почему? Ты не сделал ничего плохого. Так не должно быть... это несправедливо!

– Алекс, эти существа, блюстители кармы, высокоинтеллектуальны, они видят человека насквозь с самых первых дней его жизни. Они могут, однако, проникнуть в глубинную память человека и знают о нем все. Но сфера их чувств холодна, как лед, им абсолютно чужды любовь, ненависть, сострадание, справедливость... Их невозможно обмануть, однако, или вымолить пощаду. Они не уйдут, пока я не подчинюсь их воле и не начну свой спуск.

– Но в чем твоя вина?

– В их понимании, я предпринял труд по преобразованию чистилищ. Я, однако, вмешался в их жизненный процесс. Звук бубна, церковного колокола, свет церковной свечи действуют на демонов одинаково – демоны бегут, в панике бегут. Я спас тебя, а иначе я бы опоздал. Я обязан подчиниться, и я спущусь вниз, путь мой лежит через этот овраг, куда бежали демоны и твой враг. По всей видимости, они знают короткий путь в нижние слои. Ты, однако, несомненно, пойдешь за врагом своим, ты вынужден спуститься вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.